

ПРАВОСЛАВНЫЙ МИССИОНЕР

ИЗДАЕТСЯ ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННОГО ТИХОНА, АРХИЕПИСКОПА НОВОСИБИРСКОГО И БЕРДСКОГО
ЕПАРХИАЛЬНЫМ МИССИОНЕРСКИМ ОТДЕЛОМ

ИЗДАНИЕ ОДОБРЕНО
СИНОДАЛЬНЫМ ИНФОРМАЦИОННЫМ ОТДЕЛОМ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Газета призвана помочь осознать необходимость православной миссии, имеющей целью наставить людей на путь, ведущий к спасению через Церковь, объединить православных верующих в служении Богу и ближнему.

630007, Новосибирск, ул. Советская, 1-А
тел. 223-54-40, тел./факс (383) 223-83-49
http://ansobor.ru
e-mail: novnevsky@yandex.ru

ДУХОВНАЯ ЛЕСТВИЦА СВЯТОГО АПОСТОЛА ПЕТРА

Говоря о христианах, что им дарованы великие обетования Божии, через которые они могут сделаться причастниками Божественного естества, апостол Петр во втором своем послании (гл. I; ст. 5-7) дает нам наставления, как достигнуть этих дарований.

Для этого, говорит он, нужно удаляться от господствующей в мире похотной страсти и со всем старанием приобретать веру. А затем в вере показать добродетель, то есть добрые дела; в добродетели – рассудительность, то есть разум духовный; в разуме – воздержание; в воздержании – терпение; в терпении – благочестие; в благочестии – братолюбие; в братолюбии – любовь.

Итак, вера, добрые дела, рассудительность, воздержание, терпение, благочестие, братолюбие, любовь – вот ступени духовной лестницы святого апостола Петра.

Все они имеют между собою тесную внутреннюю связь, каждая из них производит другую, последующую, а последующая возвышает, усвершенствует и укрепляет предыдущую.

**«ПОКАЖИТЕ В ВЕРУ
ВАШЕЙ ДОБРОДЕТЕЛЬ»**

Нравственно-духовная жизнь начинается верою. Вера – первая ступень

в лестнице нашего спасения. Вера должна быть сердечная, искренняя, нелицемерная, несомненная, живая и деятельная. Если ты так веруешь, воспитал в себе такую веру, то непременно будешь обнаруживать ее делами – будешь стараться исполнять волю Божию, стремиться ко всему доброму: в мыслях, словах и делах.

Такое расположение к доброму, стремление к исполнению воли Божией и соблюдение заповедей Господних разовьет и воспитает

в тебе нравственную деятельную силу духа – добродетель, порождаемую верою.

Таким образом, истинная, сердечная, живая вера рождает добродетель, творит добрые дела. Со своей стороны, добродетель возвышает и укрепляет веру, дает ей больше нравственных достоинств, ибо одна вера, без добрых дел, без деятельного стремления к добру, для спасения души весьма недостаточна. «*Кая польза, братие моя, аще веру глаголет кто имети, дел же не имать? Еда может вера спасти его?*» Мало того, такая вера нечиста, суетна, недействующая и даже мертва: «*Вера, аще дел не имать, мертва есть о себе*» (Иак. 2; 14, 17).

**«В ДОБРОДЕЛИ ЖЕ –
РАЗУМ»**
(рассудительность)

Стремясь к добру во всем: в мыслях, словах, делах – и стараясь исполнять волю Божию, христиане опытно научатся истинно судить о вещах, различать Божие от человеческого, добро истинное от ложного, зло действительное от мнимого, правду от неправды, то есть развивает в себе практическую христианскую опытность – святое благоразумие во всех

делах. Это и есть нравственное рассуждение, разум духовный, христианское благоразумие.

Значит, добродетель производит духовный разум, но и сама от него приобретает совершенство, ибо какая добродетель полезна, если нет при ней разума? *«Ревность не по разуму»* (Рим. 10; 2).

«В РАЗУМЕ ЖЕ – ВОЗДЕРЖАНИЕ»

Духовный разум открывает христианину, где добро и зло, где истина и ложь в нем самом, в его поврежденном сердце, открывает множество худых мыслей, порочных наклонностей, злых похотей и страстей – и христианин ясно видит, как пусты и ложны их оболщания и как они опасны для хода и совершенства духовной жизни. Видя это, он начинает мало-помалу противиться порочным наклонностям, старается удерживаться от удовлетворения злых похотей, искореняет страсти и таким образом приобретает новое нравственное совершенство – воздержание от злых похотей и страстей, соделывая чистым свое сердце. А чистота сердца возвышает и развивает духовный разум его, ибо чистые сердцем, по слову Божию, способны душевным оком зреть Бога и предметы божественные: *«Блаженны чистые сердцем, яко тии Бога узрят»* (Мф. 5; 8).

«В ВОЗДЕРЖАНИИ ЖЕ – ТЕРПЕНИЕ»

Когда христианин мужественно борется с внутренними врагами своего спасения, в то время нападают на него враги внешние: разного рода искушения и соблазны – ложь, клевета, злоречие, укоризны, насмешки – преследуют его на всех путях нравственной деятельности. Превратности и несчастья по службе, раздоры и несогласия домашние, недостатки в содержании и обеспечении себя и своих присных, потерю имущества, расстройство здоровья – все это он часто испытывает на себе самом! Искушения на каждом шагу! Сколько же здесь требуется со стороны христианина терпения, и терпения мужественного, часто продолжительного! Такое терпение развивает в себе христианин, приобретший духовное воздержание, научившийся преодолевать умственные пожелания, побеждать страсти.

Терпение – новое, высшее нравственное совершенство – является вслед за воздержанием. Со своей стороны, и терпение трудно-

му подвигу воздержания подает большую силу и крепость. Нетерпеливость среди искушений, уныние в бедствиях есть слабость души, а ослабленный извне дух естественно становится не способным побеждать и внутренних своих врагов.

«В ТЕРПЕНИИ ЖЕ – БЛАГОЧЕСТИЕ»

Стяжавши воздержание, научившись благодушному перенесению бедствий, терпению среди искушений, христианин восходит на новую ступень нравственно-духовной лестницы – развивает и воспитывает в себе благочестие.

Благочестие – это нравственно-религиозное настроение христианина, его мыслей, чувств и действий, в котором у него, при всех его мыслях, чувствах и действиях, одно на душе и в сердце – прославление пресвятого имени Божия, искреннее желание благоугодить Богу, усиленное старание исполнять Его святую волю. Это круг многих добродетелей и нравственных совершенств: здесь и страх Божий, и живое упование на Бога, и всецелая преданность Ему, и смирение, и искренность мыслей и чувств, слов и действий, и чистота намерений и побуждений. *«Благочестие на все полезно есть, обетование имеющее живота нынешняго и грядущаго»* (1 Тим. 4; 8).

Оно сообщает нравственное достоинство предшествующим подвигам – терпению и воздержанию. Христианин, обладающий истинным благочестием, еще тщательнее очищает свое сердце от страстей и похотей, зная, что мерзость перед Господом – даже помысл нечистый, что только чистые сердцем видят Бога, а в искушениях и напастях еще более укрепляется духом, будучи уверен, что Господь не допускает христианину *«искуситися паче, еже можете, но сотворит со искушением и избытием»* (1 Кор. 10; 13), зная еще, что *«недостойны страсти нынешняго времени к хотящей славе явитися в нас»* (Рим. 8; 18).

«В БЛАГОЧЕСТИИ ЖЕ – БРАТОЛЮБИЕ»

Благочестие одушевляет и освящает мысли, чувства и действия христианина, возбуждает особенное движение в

его сердце, и в нем из любви к Богу развивается любовь к ближним – сначала не ко всем, а только к единоверным братьям, – развивается братолюбие.

Христианин начинает любить в Господе всех, исповедующих одну с ним веру, – любить искренно. Для него теперь нет ни раба, ни свободного, не существует различия звания и состояния, пола и возраста, для него все христиане – дети одного Отца Небесного, все искуплены драгоценнейшею Кровию Сына Божия, крещены в одной и той же купели крещения – во имя Отца и Сына и Святаго

Духа, – все равно призваны ко спасению, всем наконец дарует Он от Божественной силы всё, *«яже к животу и благочестию»* (2 Петр. 1; 3).

Христианин всем сердцем желает спасения и деятельно содействует спасению всех – молитвами, словом участия, утешением, наставлением и своим примером.

Со своей стороны, и братолюбие дает силу благочестию и сообщает ему совершенство: *«Аще кто речет, яко люблю Бога, а брата своего ненавидит, ложь есть»* (1 Ин. 4; 20).

«В БРАТОЛЮБИИ ЖЕ – ЛЮБОВЬ»

Наконец, христианин восходит на высшую ступень нравственного совершенства – любовь.

Любовь к Богу одушевляет любовь христианина к единоверным братьям, более и более распространяет ее. Любящее сердце христианина, так сказать, расширяется – оно теперь любовью своей обнимает всех людей, не различая их звания, состояния, веры, он любит даже врагов своих. Такая любовь есть верх совершенства – высшая, последняя ступень в духовной лестнице.

И преподобный Исаак Сирин говорит: *«Кто всех любит равно, милосердно и нераздельно – тот достиг совершенства»*.

И апостол Павел учит: *«Над всеми же вами стяжите любовь, яже есть союз совершенства»*.

Схиигумен Савва

Свет в глазах старика

Для начала я хотел бы попытаться рассеять отношение к смерти, которое выработалось у современного человека: страх, отвержение, чувство, будто смерть – худшее, что может с нами произойти, и надо всеми силами стремиться выжить, даже если выживание очень мало напоминает настоящую жизнь.

В древности, когда христиане были ближе и к своим языческим корням, и к волнующему, потрясающему опыту обращения, к откровению во Христе и через Него Живого Бога, о смерти говорили как о рождении в вечную жизнь. Смерть воспринималась не как конец, не как окончательное поражение, а как начало. Жизнь рассматривалась как путь к вечности, войти в которую можно было открывшись вратами смерти. Вот почему древние христиане так часто напоминали друг другу о смерти словами: *имей память смертную*; вот почему в молитвах, которые, как драгоценное наследие, передал нам Иоанн Златоустый, есть строки, где мы просим Бога дать нам *память смертную*. Когда современный человек слышит подобное, он обычно реагирует неприятием, отвращением. Означают ли эти слова, что мы должны помнить: смерть, точно дамклов меч, висит над нами на волоске, праздник жизни может трагически, жестоко окончиться в любой момент? Являются ли они напоминанием при всякой встречающейся нам радости, что она непременно пройдет? Значат ли они, что мы стремимся омрачить свет каждого дня страхом грядущей смерти?

Не таково было ощущение христиан в древности. Они воспринимали смерть как решающий момент, когда окончит-

ся время делания на земле, и значит, надо торопиться; надо спешить совершить на земле все, что в наших силах. А целью жизни, особенно в понимании духовных наставников, было – стать той подлинной личностью, какой мы были задуманы Богом, в меру сил приблизиться к тому, что апостол Павел называет полнотой роста Христова, стать – возможно совершеннее – неискаженным образом Божиим.

Апостол Павел в одном из Посланий говорит, что мы должны дорожить временем, потому что «дни лукавы». И действительно, разве не обманывает нас время? Разве не проводим мы дни своей жизни так, будто наскоро, небрежно пишем черновик жизни, который когда-то перепишем начисто; будто мы только собираемся строить, только копим все то, что позднее составит красоту, гармонию и смысл? Мы живем так из года в год, не деля в полноте, до конца, в совершенстве то, что могли бы сделать, по-

тому что «еще есть время»: это мы dokonчим позднее, это можно сделать потом, когда-нибудь мы напишем чистовик. Годы проходят, мы ничего не делаем – не только потому, что приходит смерть и пожинаяет нас, но и потому, что на каждом этапе жизни мы становимся неспособными к тому, что могли сделать прежде. В зрелые годы мы не можем осуществить прекрасную и полную содержания юность, и в старости мы не можем явить Богу и миру то, чем мы могли быть в годы зрелости. Есть время для всякой вещи, но когда время ушло, какие-то вещи уже осуществить невозможно.

Я не раз цитировал слова Виктора Гюго, который говорит, что есть огонь в глазах юноши и должен быть свет в глазах старика. Яркое горение затухает, наступает время светить, но когда настало время быть светом, уже невозможно сделать то, что могло быть сделано в дни горения. Дни лукавы, время обманчиво. И когда говорится, что мы должны помнить смерть, это говорится не для того, чтобы мы боялись жизни; это говорится для того, чтобы мы жили со всей напряженностью, какая могла бы у нас быть, если бы мы сознавали, что каждый миг – единственный для нас, и каждый момент, каждый миг нашей жизни должен быть совершенным, должен быть не спадом, а вершиной волны, не поражением, а победой. И когда я говорю о поражении и о победе, я не имею в виду внешний успех или его отсутствие. Я имею в виду внутреннее становление, возрастание, способность быть в совершенстве и в полноте всем, что мы есть в данный момент.

Митрополит
Антоний Сурожский

СОВЕСТЬ

Василий Поленов «Христос и грешница»

У евреев не было слова «совесть». Сама совесть была. Без нее нельзя. Но слова не было. Все оттенки моральных состояний традиционно выражались вариациями на тему «страха Божия». Язычники же, не имевшие таких емких словосочетаний, связанных с Единым, искали свои адекватные термины.

Евреи могли презрительно относиться к самой идее того, что за пределами Израиля возможны успешные духовные поиски. Их избранность и долгое хранение истины в одиночестве лучше всего способствовали развитию чувства религиозного высокомерия. Но духовная гордость, помноженная на презрение, и априорная убежденность в чьей-то бесплодности и бесполезности – плохие товарищи. Слово «совесть» тому доказательством.

И в греческом, и в русском, и в английском, и еще, вероятно, во многих языках это слово сконструировано одинаково. В нем заключена идея со-присутствия, со-существования. Есть некий голос во мне, который, в сущности, не мой. Звуча во мне, но частью меня не являясь, этот голос реагирует на события, совершаемые в моральной области. Он неподкупен, этот голос. Случись что-либо не по его воле – и он тут же начинает звучать. Причем заставить его замолчать не в силах человека. Этот голос способен казнить и мучить, он способен утешать и дарить внутреннее блаженство, иногда – посреди физических мук. «Голосом Бога» стали называть этот голос бывшие язычники, познавшие Бога. И даже отказавшиеся от Бога бывшие христиане (хоть плачь, хоть смеяся) называли его «внутренним комиссаром» (Фурманов, например).

Само появление термина связывают с философской школой стоиков. И термин оказался так удачен, он так виртуозно вскрывал одну из жгучих тайн внутренней жизни, что прочно вошел в Священное Писание там, где нужно было обращаться не к евреям, а к представителям эллинистического мира.

Вот Павел говорит о язычниках, что «дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» (Рим. 2; 15).

Апостол язычников учит тому, что цель проповеди есть «любовь от чистого сердца и доброй совести и нелицемерной веры» (1 Тим. 1; 5).

Он же говорит, что «для чистых все чисто; а для оскверненных и неверных нет ничего чистого, но осквернены и ум их, и

совесть» (1 Тит. 1; 15).

Таких мест больше всего у Павла. Это объясняется как близким знакомством апостола с эллинской мудростью, так и необходимостью общаться с паствой на понятном ей языке. Другие авторы Нового Завета находятся в большей зависимости от традиционной еврейской терминологии. Их язык по-еврейски классичен и сформирован псалмами Давида и речами пророков. Пример подобной речи – слова Иоанна Богослова: «Если сердце наше осуждает нас, то кольми паче Бог, потому что Бог больше сердца нашего и знает все» (1 Ин. 3; 20). Внутренняя жизнь привычно описывается состояниями сердца, этого главного органа Богопознания и источника нравственных движений.

Один только раз Иоанн пользуется

ся словом «совесть» – когда рассказывает историю женщины, схваченной в прелюбодеянии. Рассказ этот настолько уникален, что на нем стоит остановиться.

Согрешивших так, как эта женщина, закон велит бить камнями. На практике же подобная казнь наступала далеко не всякого прелюбодея или прелюбодейку. В худшие времена, когда обман и насилие, идолопоклонство и прелюбодеяние умножались безмерно, в случае строгого соблюдения закона камнями побивать пришлось бы чуть ли не весь народ. Но высказаться вслух против заповеди, данной Моисеем, означало подписать себе смертный приговор. Всего естественнее от Христа – в целях самосохранения – ожидали услышать: «Как написано, так поступайте».

Будь эти слова произнесены, они прозвучали бы жутким контрастом на фоне всего учения Спасителя об очистительной силе покаяния и милости к падшим. И Христос сразу ничего не говорит. Он удерживает молчание и даже не смотрит на пришедших, наклонившись к земле. Господь что-то пишет перстом на праге, и, как знать, не о том ли праге, из которого создан человек, Он в это время думает. Но вот, подняв лицо, Спаситель говорит кратко и повелительно: «Кто из вас без греха, первый брось на нее камень. И опять, наклонившись низко, писал на земле» (Ин. 8; 8).

Вот тут-то и вступает в свои права совесть. Она молчала, пока не заговорил Христос. Когда же голос Его достиг слуха человеческого, то голос Его же ожил в глубине души.

Обличаемые совестью, люди, недавно требовавшие казни, начинают уходить. Причем первыми уходят старшие. Эта деталь удивительна, поскольку, миновав бурные годы молодости, от многого мирского отказавшись по причине преклонных лет, состарившись над изучением Писаний, эти старшие могли удобно уверовать в «свою праведность». Но нет! Совесть ожила в них первых, потому что для совести все собы-

тия жизни человека произошли сегодня и срока давности для грехов и преступлений нет.

Люди молча уходят, и когда Христос опять поднимает лицо, Он видит перед Собою одну лишь женщину, чья жизнь и смерть только что зависели от одного Его слова. «Женщина! Где твои обвинители? Никто не осудил тебя?» – спрашивает Господь. И слыша в ответ: «Никто, Господи», – говорит: «И Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши» (Ин. 8; 10-11).

Мы так часто ищем прямых указаний. Мы так жадны до резких, как посвист розги, слов «да» и «нет». В очередной раз, когда мы приступим к кому-либо со словами: «Не юлите. Говорите прямо. Вы за или против?», – давайте вспомним этот кусочек Евангелия. В нем содержится ответ, вернее, в нем содержится творческий подход к поиску ответа. Этот творческий подход звучит просто: «Спроси у совести. Прислушайся к ней».

Заметим также, что помилование женщины было связано с тем, что осуждавшие ее не были безгрешны. Именно общность греховного опыта, обретаемая на глубине сердца, заставляет нас удерживать гнев, закрывать уста, смиряться. Мы разные снаружи, но находимся в одной и той же беде внутри. И если Симеон Новый Богослов или другой, подобный ему, святой муж в молитвах называет себя виновным во всех противоестественных страстях, то это не от греховных фактов жизни. Это от той глубины, на которую сошел его молящийся ум. Там, на глубине, он увидел себя соединенным со всей человеческой природой и грехи всего человечества ощутил, как свои.

Итак, мы, коль скоро заговорит в нас разбуженная Богом совесть, отказываемся считать себя более праведными, чем кого-либо. Поэтому мы и способны прощать. Но слова Христа: «И Я не осуждаю тебя», – рождены иным опытом.

Христос прощает нас не потому, что Сам грешен. В Нем нет греха, и Ему не надо вынимать из глаза бревно, чтобы затем помочь ближнему расстаться с сучком. Христос прощает и милует единственно из любви, что нам, признаться, совсем непонятно.

Любовь во Христе не ищет ответной благодарности. До сих пор, уже после Креста и Воскресения, Он терпит выпады против Себя, насмешки над Собою, хулу на Себя.

Его любовь не находится в зависимости от чувства крови, от родственной привязанности или еще чего-то земного. Его любовь не страстна, не взвинченна, не экзальтирована. Умея любить и будучи Любовью, внешне Он царственно спокоен.

Наша же любовь, эгоистичная, истеричная, ждущая взаимности, чувствительная к обидам, истощающаяся со временем, даже и любовью не достойна называться на фоне любви Христовой.

Он прощает нас потому, что любит, а не потому, что Сам виноват.

Теперь, когда мы, размышляя о Благословенном Спасителе, на краткое время дали уму возможность взлететь и, распластавши крылья, парить в высоте, нужно снова спуститься на землю. Нужно спуститься в гущу повседневных событий, посреди которых глаз реагирует на свет, кожа – на перемену температуры, ухо – на звук, а совесть – на любое событие, связанное с нравственностью. Иногда этот голос тих, как шепот, а иногда кажется назойливым, как жужжащее насекомое. Но самое страшное состояние – это когда он замолкает. Это – состояние внутренней смерти, и апостол Павел называет таких изнутри мертвых людей «лжесловесниками, сожженными в совести» (1 Тим. 4; 2).

В идеале же голос этот есть голос Самого Христа, Который, «когда выведет Своих овец, идет перед ними; а овцы за Ним идут, потому что знают голос Его» (Ин. 10; 4).

Протоиерей
Андрей Ткачев

ВОПРОСЫ О СЕМЬЕ

МЕСТО ПОДВИГУ...

– Вот уже несколько лет меня посещает мысль о том, что я могла бы посвятить некоторое время монастырю и приложить там все усилия для своего духовного исцеления. Но я не могу надолго покинуть мужа, свою семью: они меня очень любят и будут страдать в мое отсутствие... Им будет тяжело, и я не могу их оставить в таком положении. – Неплохая вроде бы мысль, но что заставляет вас стремиться именно в монастырь для духовного исцеления, если оно вам в самом деле необходимо? Разве вас лечат монастырские стены, монастырский устав или монастырская трапезная?

Надо ли вам напоминать, что вас исцеляет Христос, Истинный Бог, и что условия для исцеления мы создаем своей любовью к Нему и к нашим ближним? У вас есть семья – это прекрасно!

Если есть семья, есть люди,

которые вас любят и которым вы нужны, то не она ли создает идеальные условия для любого духовного исцеления?! Для того Господь и создал семью, чтобы в ней возрастала любовь, чтобы люди получали все духовные плоды на ее основе...

Лично для вас существует особое святое место, место вашего жизненного подвига – ваша семья, ваш дом, ваша «малая Церковь». Оставить его в погоне за неким призрачным исцелением было бы глубокой, непоправимой ошибкой.

Исцеление должно быть не призрачным, а реальным. Обязательно нужно найти такой храм и священника, где вы станете серьезно и сознательно исповедоваться. В наше время в большом городе это, к счастью, совсем не сложно. Верно, что именно за этим люди стремятся

в монастыри.

Кратковременная поездка пошла бы на пользу и вам – вместе с мужем, разумеется, – но в первую очередь надо устроить свое исцеление по месту жительства.

– У меня двое детей, часто болеют, муж много работает. Никак не могу выбраться, чтобы поехать по святым местам... Что делать?

– Благодарить Господа, что Он, посредством трудностей и болезней ваших детей, предохраняет вас от ненужных, бесполезных для вас и вашей семьи дел, удерживает вас в своем доме, на своем месте.

Неужели вам кажется, что мать и жена должна бежать прочь из семьи «по святым местам», оставив мужа и детей? Кому на пользу такой «подвиг»? Помните: для вас нет другого святого места, такого как ваш дом, ваша «малая Церковь».

*Иеромонах Макарий
(Маркии)*

«Смотрю вон на то облачко, там ангелы живут...»

Изверженные из горнего мира диавол и его слуги действуют в мире поднебесном, среди людей на земле, и как бы взяли в свое обладание ад и преисподнюю. Эта промежуточная поднебесная область, которая делалась местопребыванием диавола, иногда называется в Писании «воздухом».

По свидетельству святителя Игнатия Брянчанинова, «пространство между небом и землею, вся видимая нами лазуревая бездна, воздух, поднебесная, служит жилищем для падших ангелов, низвергнутых с неба. В книге Иова падший ангел

уже представляется блуждающим в неизмеримом пространстве поднебесной; он скитался по ней, быстро пролетал ее, томимый ненасытной злобой к роду человеческому (Иов. 1; 7). Святой апостол Павел называет падших ангелов духами злобы поднебесной (Еф. 6; 12), а главу их – князем власти воздушной (Еф. 2; 2). Итак, падшие ангелы рассеяны во множестве в воздушном пространстве».

Святая Афанасий Великий пишет: «Диавол, враг нашего рода, ниспав с неба, блуждает в пространстве нижнего воздуха, где начальствует над другими демонами, соделав-

шимися непокорством и гордостью подобными ему, при содействии их обольщает человек привидениями и старается воспрепятствовать тем, которые стремятся горе», о чем апостол Павел говорит: «По князю власти воздушной, духа, иже ныне действует в сынех противления» (Еф. 2; 2). В толковании на псалом 41 святитель Иоанн Златоуст говорит: «Сколько демонов носится в этом воздухе? Сколько противных властей? Если бы только позволил Бог показать нам их страшный и отвратительный образ, то мы подверглись бы умопомешательству». А преподобный Антоний Великий говорит прямо, что «демо-

ны носятся в воздухе». Если же злые духи наполняют воздух, то отсюда ясно, что они со всех сторон окружают нас. Вот как об этом говорит святитель Феофан Затворник: «Обыкновенный образ перевода и понимания слова **«поднебесный»** означает, что духи летают в воздухе, и как воздух обнимает нас повсюду, так повсюду окружают нас и духи злобы и непрерывно приступают к нам, как комары в сыром месте».

Носясь в воздухе, бесы нисходят на землю, что ясно видно из Евангелия, которое повествует о различных действиях демонов на земле. Демоны могут входить в человека и в животных (Лк. 8; 29, 33). Они могут обитать и в воде. Православная Церковь ежегодно в день Богоявления Господня в своих молитвах на освящение воды просит Господа Бога об изгнании из воды демонов.

По ниспадении злых духов с неба в область поднебесную, или воздушную (Еф. 2; 2), для них стал вовсе недоступен мир небожителей, и потому все их злостное внимание исключительно обращено на близкую к ним землю с тем, чтобы здесь, между людьми, сеять зло. Зло, таким образом, составляет насущную потребность диавола, который ни о чем ином не мыслит и ни в чем не находит успокоения или наслаждения, кроме зла, ни в чем не находит успокоения или наслаждения, кроме злой деятельности. Царство добра, как Царство Божие, ненавистно и недоступно ему, потому-то он старается разрушить дело Божие на земле. По словам Спасителя, диавол – враг Его, ибо на том поле, где Господь посеял пшеницу, диавол посеял плевелы (Мф. 13; 24-25).

Согласно учению святителя Игнатия Брянчанинова, «падшие духи низошли с высоты духовного достоинства; они ниспали в плотское мудрование более, нежели человеки. Люди

имеют возможность переходить от плотского мудрования к духовному; падшие духи лишены этой возможности. Люди не подвержены столь сильному влиянию плотского мудрования, потому что в них естественное добро не уничтожено, как в духах, падением.

В людях добро смешано со злом и потому непотребно; в падших духах господствует и действует одно зло. Плотское мудрование в области духов получило обширнейшее, полное развитие, какого оно только мо-

жет достигнуть. Главнейший грех их – исступленная ненависть к Богу, выражающаяся страшным непрерывным богохульством. Они возгордились над Самим Богом; покорность Богу, естественную тварям, они превратили в непрерывающееся противодействие, в непримиримую вражду. Оттого падение их глубоко, и язва вечной смерти, которою они поражены, неисцелима. Существенная страсть их – гордость; они преобладают чудовищным и глупым тщеславием; находят наслаждение во всех видах греха, возвращая постоянно в них, переходя от одного греха к другому. Они пресмыкаются и в сребролюбии, и в чревообъедении, и в прелюбодеянии. Не имея возможности совершать плотские грехи телесно, они совершают их в мечтании и ощущении; они усвоили бесплотному естеству пороки, свойственные плоти; они развили в себе неестественные им пороки несравненно более, нежели сколько они могут быть развиты между людьми.

Падшие духи, содержа в себе начало всех грехов, стараются вовлечь во все грехи людей с целью и жаждою погубления их. Они увлекают нас в разнообразное угождение плоти и корыстолюбие, славолюбие, живописуя перед нами предметы этих страстей обольстительнейшею живописью».

Демоны ничего не могут сделать Творцу, Который, являясь всемогущим Богом, находится в недостижимости для всякого воздействия со стороны твари. Поэтому всю свою злобу они обратили на человека, являющегося образом Божиим, и, зная, что Господь любит Свое создание, стремятся как можно больше навредить предмету Его любви.

В настоящее время местопребыванием для диавола, главы падших ангелов, служит ад или, иначе, бездна, тартар, преисподняя, внутренность земли. Предвозвестил это жилище падшему духу святой пророк Исаия: «Во ад снидеши, – сказал он ему, – и во основания земли» (Ис. 14; 15). Совершилось предсказанное князю воздушной власти силою и властью Иисуса Христа. Связал Господь сатану на все пространство времени между двумя пришествиями Своими и, как сказано в Апокалипсисе, «в бездну затвори его, и заключи его, и запечатле над ним» (Апок. 20; 3). Перед вторым пришествием Господа «разрешен будет сатана от темницы своя и изыдет прельстити языки суция на четырех углех земли» (Апок. 20; 7). Из жизнеописания свя-

жет достигнуть. Главнейший грех их – исступленная ненависть к Богу, выражающаяся страшным непрерывным богохульством. Они возгордились над Самим Богом; покорность Богу, естественную тварям, они превратили в непрерывающееся противодействие, в непримиримую вражду. Оттого падение их глубоко, и язва вечной смерти, которою они поражены, неисцелима. Существенная страсть их – гордость; они преобладают чудовищным и глупым тщеславием; находят наслаждение во всех видах греха, возвращая постоянно в них, переходя от одного

тых также явствует, что глава падших ангелов – сатана – пребывает во аде, а на земной поверхности и в воздухе действуют бесы под управлением князей своих, то есть падших ангелов из высших чиновачалий. Демоны нисходят во ад для получения приказаний и наставлений от сатаны, доносят ему о своих действиях и о всем, совершающемся на поверхности земной. Также в аду, согласно учению Церкви, находятся души грешников, которые претерпевают от демонов лютые мучения. И самим злым духам определено вечное наказание – на Страшном суде Сын Человеческий скажет тем, которые окажутся по левую сторону: «Идите от Мене, проклятии, во огонь вечный, уготованный диаволу и ангелом его» (Мф. 25; 41).

<...>

В борьбе с человеком падшие духи воздействуют на его тело, мысленную, чувственную и волевою сферы. Демоны могут убивать людей (Тов. 3; 8), наводить на них болезни и входить в них (то есть завладевать их телом). Демоны входят во внутренность человеческого тела всем газообразным существом своим, подобно тому, как входит в него воздух. Подробное описание этого факта мы находим у Мотвиллова в его рассказе о том, как нечистый дух завладел его телом и мучил многие годы.

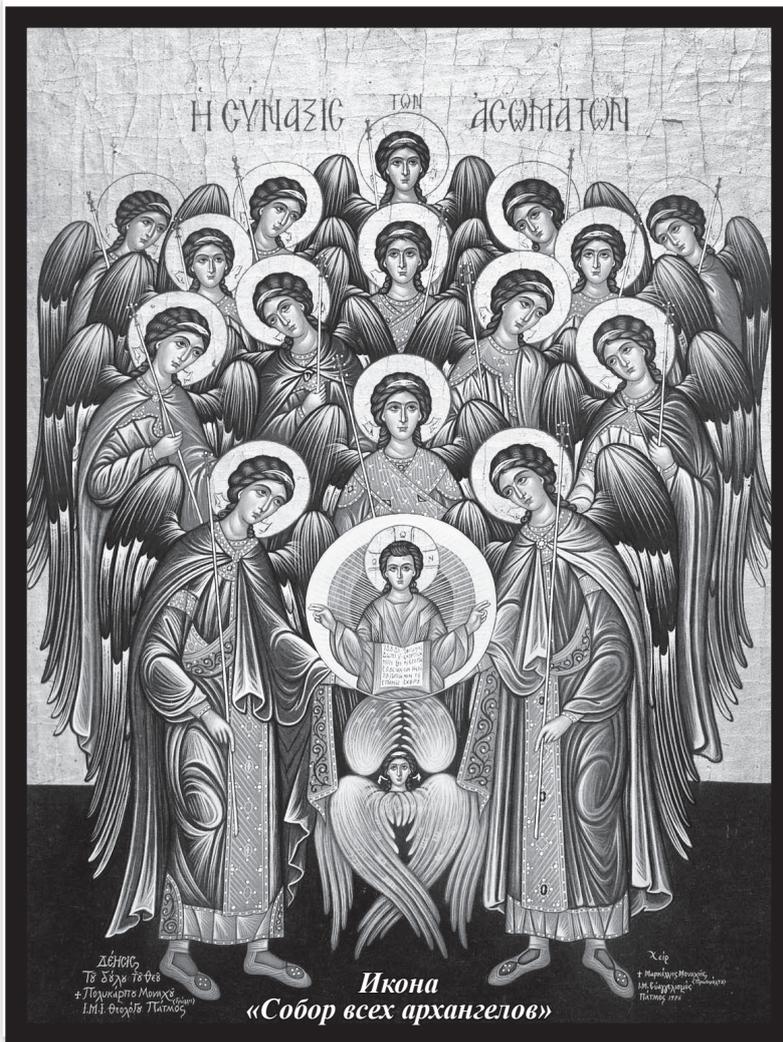
Демон, войдя в человека, не смешивается с душою, но пребывает в теле, обладая насильственно душою и телом. По указанию святителя Игнатия Брянчанинова, «газы имеют в особом развитии свойство упругости, то есть свойство принимать различной меры объем; очевидно, что и демоны имеют это свойство, по которому множество их может поме-

щаться в одном человеке, как говорится об этом Евангелие» (Лк. 8; 30). Войдя в человека, по свидетельству святого Иоанна Кассиана, «бесы наводят страшное помрачение разумных чувств души; [это происходит] наподобие явлений, бываемых от вина, лихорадки или чрезмерного холода». Но нашу душу он не может сделать своим вместилищем. «Нечистые духи, – утверждает этот же святой, – не иначе проникают в тела одержимых ими, как овладевают перед их умами и помышлениями.

некоторыми, то только по собственному произволению овладеваемых без сопротивления» (см. Иак. 4; 7). Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что непосредственное вселение злого духа в человека происходит только по особому попустительству Господа и зачастую является следствием страстной и легкомысленной жизни грешника.

Не вселение, а овладение человеком посредством внешнего подчинения сил души его демонической воле наблюдается гораздо более часто, чем беснование. Характерным примером этого может служить Иуда. Слова Евангелия «вниде сатана во Иуду» (Лк. 22; 3) не следует понимать так, что Иуда сделался бесноватым в полном смысле этого слова. Святой Иоанн Богослов говорит, что через страсть сребролюбия сатана сначала проник в душу ученика (Ин. 12; 6), потом полнее овладел его сердцем (Ин. 13; 2) и наконец решительно вселился в него (Ин. 13; 27). Здесь яркий пример постепенного овладения демоном душою грешника посредством все усиливающейся страсти сребролюбия.

Одним из главных образов воздействия нечистых духов на людей является воздействие на их мысленную сферу путем привнесения туда различных греховных помыслов. Находясь вне досягаемости для телесных чувств человека, демоны, воздействуя на его ум, привносят туда различные мысли, которые индивидуум, не ведущий духовную жизнь, принимает за свои. И если он принимает их и соглашается с ними, то через это становится проводником чужой злой воли, постепенно овладевающей им всецело. «Нередко, – говорит святой Антоний Великий, – будучи сами невидимы,

Обнажив умы от одежды страха Божия, памяти о Боге, злые духи нападают на них как на обезоруженных и лишенных Божией помощи и Божия ограждения, и потому удобно побеждаемых и, наконец, устрояющих в них жилища, как бы в представленном им владении». Об этом же говорит и святитель Григорий Богослов: «Диавол завладеет нами всецело не может никакими способами: если сильно овладевает

[злые духи] представляются благоговейными собеседниками, чтобы обмануть подобием образа и оболыщенных ими вовлечь во что хотят».

В православной аскетике даже имеются специальные термины для обозначения воздействий, оказываемых духами злобы на душу человека. Это «помыслы», или образы, поднимающиеся из низших областей души, из подсознания, затем – «прилог», не то чтобы «искушение», а наличие посторонней мысли, пришедшей извне и введенной враждебной волей в сознание. «Это не грех, – говорит святой Марк Подвижник, – но свидетельство нашей свободы». Грех начинается лишь при «сочетании», при прикреплении ума к привходящей мысли или образу, или, вернее, он – некоторый интерес или внимание, указывающее уже на начало согласия с вражеской волей, ибо зло всегда предполагает свободу, иначе оно было бы лишь насильем, овладевающим человеком извне.

Демоны, зная, что люди любят истину, принимают на себя личину правды и этим средством изливают яд в своих последователей. Так обманул некогда диавол Еву, говоря ей не свои слова, но якобы повторяя слова Божии, при этом извращая их смысл (Быт. 3; 1). Так оболыстил он супругу Иова, научив ее излишеству в любви к мужу, а отсюда и хуле на Бога: «Рцы глагол некий (похули) ко Господу и умри» (Иов. 2; 9), – сказала она, веруя, что за хулу Бога человек немедленно подвергается смерти и тем самым заканчиваются его тяжкие земные мучения. Так оболыстил диавол и обманул всех людей, извращая суть вещей, и всех увлек в пропасть зла.

Однако необходимо отметить, что при борьбе с нами демоны не знают расположения наших сердец, не могут читать наши мысли, но из слов, какие мы произносим в беседе, из действий внешнего человека при разговорах, «вставании, сидении, поступи, взоре усматривают – «льстивным весь день поучахуся» (Пс. 37; 13) – наше внутреннее устройство, чтобы во время молитвы омрачить наш ум злыми помыслами, соответствующими рас-

положению страсти» (святой Евагрий монах). Вот что об этом говорит святой Исидор Пелусиот: «Диавол не знает того, что у нас в мыслях, потому что это исключительно принадлежит одной силе Божией; но по телесным движениям уловляет он думы. Увидит ли, например, что иной пылливо смотрит и насыщает глаза чуждыми красотоми? Воспользовавшись его устройством, тотчас возбуждает такого человека к прелюбодеянию. Увидит ли одолеваемого чревоугодием? Тотчас живо представит ему страсти, порождаемые чревоугодием, и доставляет служащее к приведению намерения своего в действие. Поощряет к разбою и неправедному приобретению».

Подвигоположник Христос Бог уравнивает силы борющихся и укрощает свирепую ярость злых духов, которые без попущения Божия не могут искушать людей, как это видно из жизни Иова. Даже войти в свиное стадо бесы сами не во власти, а Господь не попускает искушать им человека свыше его сил. Но в борении подает христианину силы, дающие ему возможность выйти победителем.

Кроме мысленной сферы, падшие духи могут приражаться еще и к чувственной и волевой стороне души человека. Вот что об этом пишет преподобный Нил Синайский: «Когда завистливый демон не успевает привести в движение память, тогда воздействует на кровь и соки, чтобы через них произвести в уме воображение и наполнить его образами». Воздействуя на тело, бес возбуждает в человеке чувство похоти, ярости, гнева и т.п. Это наглядно видно на примере святой Иустины, в которой бес, насылаемый колдуном, разжигал чувство похоти и сладострастия, но был отогнан молитвой святой.

Воздействуя на волевую сферу души человеческой, демон как бы лишает человека сил, энергии, способности к решительным действиям и всякому действию вообще, но опять же при молитве отходит, буду-

чи побежден силой Христовой.

Евагрий монах пишет, что бесы различаются по степени зла и сил, выполняя различные служения. Это подтверждает и святой Иоанн Кассиан, говоря, что «одни из них услаждаются нечистыми и срамными похотьми, иные любят богохульство, иные гнев и ярость, иные утешаются печалью, иные тщеславием и гордостью, – и каждый ту страсть в сердца человеческие всевает, какую сам собственно услаждается; но не все вместе возбуждают страсти, а попеременно, смотря по тому, как требует время, место и приемлемость искушаемого». О духовной невидимой брани свидетельствует тот же подвижник: «На новоначальных и немощных нападать пускаются слабейшие духи, а когда эти побеждены будут, тогда посылаются сильнейшие», – но это происходит по мере умножения духовных сил воина Христова.

Демоны имеют своеобразную «специализацию», находясь во зле, имеют некоторую свободу, потому что могут из многих зол выбирать одно, наиболее для них приятное. Этой страстью они и живут, стараются разжигать ее в человеке, через то получая доступ к его душе и телу. Кроме того, вполне допустимо предположить, что бесы могут питаться и усиливаться за счет трансформируемой в страстном услаждении энергии человека. Если, по словам святого Иоанна Дамаскина, ангелы «созерцают Бога, насколько для них возможно, и имеют это пищею», то демоны, для которых созерцание невозможно, видимо, могут получать энергию косвенным путем, через человека, приспособляя его энергетику для своего питания. Для этого они вначале должны уподобить человека себе, через то получив доступ к его душе. Человек страстный и грехолюбивый является для падших духов превосходной питательной средой. Раздувая в нем энергию страстей, пожирающую его жизненные силы, демон питается и усиливается в такой среде. Кроме того, овладев грешником, падший дух использует его тело как инструмент для получения большего услаждения

страстью. Вот и еще одна причина того, почему человек страстный и грехолюбивый буквально облеплен бесами. Одновременно необходимо отметить, что падшие духи могут наделять своих слугителей особым демоническим видом энергии, которая позволяет покорным исполнителям воли сил зла неумолимо работать на ниве умножения греха. Но, в силу своей деструктивной сущности лишены способности к созиданию, бесы в конце концов уничтожают и своих последователей.

Господь попускает проявиться злой воле демонов, так как Он не нарушает свободы ни одного из разумных существ. Вместе с тем Он всегда ограничивает пагубные действия духа злобы, направляя их к благу людей. Тогда как после обольщения прародителей диавол все более и более распространял свою власть и господство над людьми, Господь, со Своей стороны, подготовил все к тому, чтобы совершенно поколебать и ниспровергнуть эту власть, что и было совершено пришедшим на землю Сыном Божиим, Который, разрушив царство диавола, основал Свою Святую Церковь. Истинно верующим Он даровал силу противиться духам злобы и господствовать над ними. «Что Христос родился для сокрушения демонов, – писал святой Иустин, обращаясь к язычникам, – это и теперь вы можете узнать из того, что происходит перед вашими глазами. Ибо многие из наших, из христиан, исцеляли и ныне еще исцеляют множество одержимых демонами и во всем мире, и в нашем городе, заклиная именем Иисуса Христа, распятого при Понтии Пилате... тем побеждают и изгоняют демонов, овладевших людьми».

Ведя с верующими во Христа постоянную и ожесточенную брань, дух злобы, однако, никогда не насилует человеческой свободы, прибегая к чарующим обольщениям и лукавым советам и убеждениям. Потому с помощью благодати Божией христианин может с успехом отражать все вражьи нападения через сердечное призывание имени Иисусова, крестное знамение, от которого трепещут демоны.

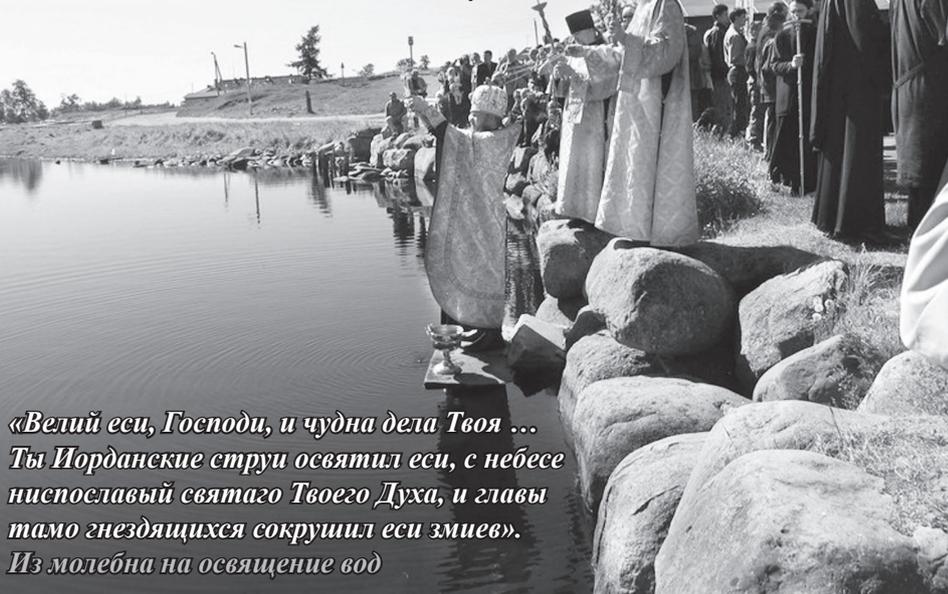
При упорной бесовской брани бывают необходимы молитва и пост, которые поддерживают и подкрепляют силы души, а также духовное бодрствование (борьба с греховными помыслами), при котором духовному борцу легче бывает подметить все искувательные диавольские ухищрения и вовремя их отразить. Сам Спаситель преподавал правило, как изгонять злых духов: «Сей род ничим же может изыти, токмо молитвою и постом» (Мк. 9; 29).

Искушения диавольские Господь попускает, во-первых, для посрамления же и уничтожения диавола и, во-вторых, для испытания и укрепления воли в добре Своих последователей. Подвижники в борьбе с бесовскими искушениями приобретают духовную опытность, познают свои духовные недуги и, врачую их, совершенствуются в добре. «Человеколюбец Бог, – пишет святитель Василий Великий, – употребляет жестокость демонов к нашему уврачеванию, подобно тому, как мудрый врач употребляет яд ехидны к излечению больных».

Святитель Иоанн Златоуст же по этому случаю говорит следующее: «Если кто спросит, почему Бог не уничтожил древнего искусителя, мы ответим, что это Он сделал не по чему-либо иному, как по великой попечительности о нас. Ибо если бы лукавый овладевал нами насильно, то тогда бы этот вопрос имел некоторую

основательность. Но так как он не имеет такой силы, а может только к себе склонять нас, тогда как мы можем и не склоняться, то для чего ты устраняешь повод к заслугам и отвергаешь средство к достижению венцов?.. Бог для того оставил диавола, чтобы те, которые уже побеждены им, низложили его самого, а доблестные имели случай к обнаружению своей (твердой) воли... Диавол зол для себя, а не для нас: потому что, если мы захотим, можем приобрести через него много и добра, конечно, против его воли и желания, в чем и открывается особенное чудо и необычайно великое человеколюбие Божие... Когда лукавый устрашает и смущает нас, тогда мы вразумляемся, тогда познаем самих себя и тогда с большим усердием прибегаем к Богу». По святому Иустину, Бог ради христиан «медлит произвести смешение и разрушение Вселенной, так, чтобы не было уже более злых ангелов или демонов», конец пагубной деятельности которых будет окончательным осуждением злых духов на вечные адские мучения.

*Из книги «О том, как грех вызывает наказание»
Автор-составитель
Н.С. Посадский*

*«Велий еси, Господи, и чудна дела Твоя ...
Ты Иорданские струи освятил еси, с небесе
ниспославый святого Твоего Духа, и главы
тамо гнездящихся сокрушил еси змиев».
Из молебна на освящение вод*

МОЖЕТ ЛИ ПОСТ БЫТЬ ВО ВРЕД?

КАКИХ ПЛОДОВ ЖДАТЬ ОТ ПОСТА? КОГДА ЕГО ПОЛЕЗНО ОСЛАБИТЬ? КАК БОРОТЬСЯ СО СТРАСТЯМИ В ПЕРИОД ГОВЕНИЯ?

На вопросы о смысле поста отвечает игумен Петр (Мещеринов)

– В чем состоит смысл поста? Должен ли он приносить какой-либо духовный плод?

Вопрос, разумеется, риторический. Ответить на него «Нет. Пост ни в коем случае духовного плода приносить не должен» – это, конечно же, нонсенс. А между тем, на практике такое случается нередко.

Я бы рискнул взглянуть на проблему поста с неожиданной стороны, а именно: бывают случаи, когда пост не только не имеет пользы, но, наоборот, приносит вред душе христианина. Происходит это тогда, когда подлинный библейский, христианский, церковный смысл поста подменяется каким-то иным содержанием.

Вред этот может быть тройкий. Первое – это когда христианство превращается в Религию Еды, и бедный христианин, живя в совершенно ненормальных условиях большого города и чрезвычайных нагрузках как психологических, так и физических (чего стоят хотя бы поездки в московской подземке на работу и с работы), слабеет и изнемогает и постоянно хочет есть. Результатом бывает то, что центром жизни человека становится Еда.

Таким образом, многие православные во время поста, с одной стороны, думают не о Боге, а о еде, а с другой – черпают в своем отказе от еды уверенность, что именно такое «постничество» угодно Богу. При этом почти невозможно избавиться от чувства «несмы, якоже прочие человецы» (Лк. 18; 11); а то, что эти самые «прочие человецы» едят и пьют в свою меру и в свое удовольствие, вызывает скрытую зависть, что отнюдь не способствует возрастанию в любви к ближнему.

Вдобавок Религия Еды, в отличие от подлинного христианства, учит лицемерию перед самим собою – самое, пожалуй, опасное состояние в духовной жизни. Это лицемерие производит на свет такие уже прочно вошедшие в наш православный быт явления, как постный майонез, соевую колбасу или соевое же молоко и прочие весьма вредные для здоровья, а при этом и достаточно недешевые «постные» суррогаты нормальных продуктов. Мы «изнутри» не замечаем уродливой комедийности такого постного времяпровождения; а со стороны очень, увы, заметно, что люди, называющие себя православными христианами, затрачивают массу энергии и сил не на сугубую жизнь по Евангелию, а на то, чтобы соблюсти формальную букву и тем самым уверить себя в том, что они «угождают Богу».

Второй возможный «вред от поста» – это усвоение мысли (часто, надо сказать, являющейся предметом церковной проповеди), что «пост – это такое время, когда нужно больше

молиться, больше сосредотачиваться, больше читать Евангелие, делать больше добрых дел и т.п.» Мысль, совершенно дезориентирующая христианина – потому что из нее следует, что вне поста сосредотачиваться, молиться, читать Евангелие и, главное, совершать добрые дела можно меньше.

На этот недостаток (правда, под иным углом зрения) указывал еще святитель Феофан Затворник, неоднократно высказывающий в своих письмах и трудах сожаление, что все духовные плоды, стяжанные во время поста, тут же, за несколько дней после Пасхи или Рождества, куда-то испаряются, и пост таким образом пропадает всуе.

Результатом этой дезориентации является третий вред – самый, на мой взгляд, существенный и одновременно самый тонкий и мало кем замечаемый.

Дело тут вот в чем. Христианская жизнь требует ровности и постоянности – без этих качеств не может быть возрастания в духовной жизни. Это касается и молитвенного правила, и сосредоточенности, и чтения, и меры воздержания, и посещения богослужения, и т.п. Наши же постные уставы, уместные в строгости древнего монастырского ритма жизни, на мой взгляд, мало способствуют этой самой ровности и умеренности в духовном возрастании современных христиан.

У нас получается приблизительно так: как спортсмены тренируются перед ответственным состязанием, или как музыканты усиленно занимаются перед конкурсами, или как студенты перед экзаменами, так и мы постами начинаем сосредотачиваться на внимании к ближним и добродетели, на

том, чтобы усиленно молиться, читать духовные книги, чаще ходить в храм и прочее. А после постов от всего этого «отдыхаем».

Тем самым расшатывается и утрачивается именно ровность христианского существования, без которой вся наша церковная жизнь превращается в «хождение по кругу» – и даже не «хождение», а какое-то чередование «рывков» и обессиленной усталости.

Всем этим искажается подлинный, библейский смысл поста, который, надо сказать, известен уже по меньшей мере три тысячи лет. Вот что про него говорит Священное Писание.

«Взывай громко, не удерживайся; возвысь голос твой, подобно трубе, и укажи народу Моему на беззакония его, и дому Иаковлеву – на грехи его. Они каждый день ищут Меня и хотят знать пути Мои, как бы народ, поступающий праведно и не оставляющий законов Бога своего; они вопрошают Меня о судах правды, желают приближения к Богу: «Почему мы постимся, а Ты не видишь? смиряем души свои, а Ты не знаешь?» – Вот, в день поста вашего вы исполняете волю вашу и требуете тяжких трудов от других. Вот, вы поститесь для ссор и распрей и для того, чтобы дерзкою рукою бить других; вы не поститесь в это время так, чтобы голос ваш был услышан на высоте.

Таков ли тот пост, который Я избрал, день, в который томит человек душу свою, когда знет голову свою, как тростник, и подстилает под себя рубище и пепел? Это ли назовешь постом и днем, угодным Господу? Вот пост, который Я избрал: разреши оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетенных отпусти на свободу, и расторгни всякое ярмо; раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого, одень его, и от единокровного твоего не укрывайся. Тогда откроется, как заря, свет твой, и исцеление твое скоро возрастет, и правда твоя пойдет пред тобою, и слава Господня будет сопровождать тебя. Тогда ты воззовешь, и Господь услышит; возопиешь, и Он скажет: «Вот Я!» Когда ты удалишь из среды твоей ярмо, перестанешь поднимать

перст и говорить оскорбительное, и отдашь голодному душу твою и напитаешь душу страдальца: тогда свет твой взойдет во тьме, и мрак твой будет как полдень; и будет Господь возжесть твоим всегда, и во время засухи будет насыщать душу твою и утучнять кости твои, и ты будешь, как напоенный водою сад и как источник, которого воды никогда не иссякают» (Ис. 58; 1-11).

Таков основной смысл поста. И здесь нужно сразу сказать: если поститься «библейски», то на первое место выходит внутренний труд сердца; а ограничения всякого рода являются лишь средством для того, чтобы труд этот был успешным.

– А можно ли такое действие, как «внутренний труд сердца», в какой-то мере расшифровать или хотя бы пояснить примерами?

– Пожалуйста. Вот, например, с библейской точки зрения «разрешить оковы неправды» – очень актуально. Что это значит? Нередко христианин живет в своем семейном окружении или в отношениях с коллегами по работе, совершенно не замечая того, что эти отношения не только нехристианские, но порой и до «общественных» не дотягивают. Часто православным на это просто не хватает внимания: все оно поглощено тем, как правильно поститься, вычитать правило, «защитить Православие» и т.п. Вот «разрешить оковы неправды» в данном случае будет – осознать отношения с ближними, чтобы не быть им в тягость, и исправить то, что требует исправления.

Если идти дальше – стать честнее, человечнее и порядочнее в нашем лживом и бесчеловечном социуме. И именно педагогически все это осмыслить, научиться этому – чтобы и после поста, как я уже сказал, не оставлять достигнутого, а продолжать и развивать свою христианскую жизнь.

– Но не получается ли из Ваших слов, что аскетическая сторона поста становится вовсе ненужной?

– Совсем нет. Ведь для того, чтобы жить по-евангельски, необходимо стяжать, хоть в какой-то, хоть в начальной мере Духа Святого – духа силы, любви и целомудрия (2 Тим.1; 7). В помощь этому существует воздержание, аскеза.

Но нужно помнить, что любое аскетическое делание в христианстве есть вещь прикладная, то есть является не целью, а средством. Цель наша – стяжать плоды Святого Духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание (Гал. 5; 22-23). Аскетические же делания, в числе которых и пост, являются для этого в некотором смысле «рамками».

Но при этом ошибочно думать, что аскетические подвиги сами по себе приводят к стяжанию Святого Духа. Плод духовный стяжается вот именно что внутренним трудом сердца.

Мы часто видим на практике, что люди начинают усиленно поститься, молиться и проч., а в результате сердце их жестеет, появляется злоба, раздражительность, самомнение и тому подобное. Почему? Потому что внешние аскетические подвиги сами по себе ничего нам не приносят; они нужны лишь для того, чтобы упорядочить телесное состояние человека, чтобы тело по его тесной связи с душой не мешало бы ей осуществлять внутреннюю работу. Вот в этом и заключается смысл поста: не рассчитывать, что через него можно достичь чего-то духовного, но обеспечить душе помощь в духовном труде.

Поскольку мы живем в падшем мире, который, по словам апостола Иоанна Богослова, есть похоть плоти, похоть очей и гордость житейская (1 Ин. 2; 16), то непрременной обязанностью христианина является отвращение от этих страстных похотей, которыми пропитана окружающая жизнь. И задачей поста, собственно говоря, и является научить христианина, дать ему навык воздержания от страстей – навык, которым он должен все с большим и большим успехом пользоваться и во внепостное время, потому что, как я уже сказал, в христианской жизни важна ровность воздержания, а не «рывки»

и расслабления. Неядение же в составе поста есть дело последнее, некий подручный инструмент для упорядочения и облегчения плоти, самая внешняя граница поста, причем – необходимо подчеркнуть – употребляемая индивидуально, по своей мере, по силам.

И вот эту мысль нужно усвоить – что пост не есть цель, а есть педагогическое церковное средство. А когда мы это забываем, то христианство превращается в йогу, в которой тоже не едят, не спят и так далее.

– Правильно ли понимать тогда, что есть несколько уровней строгости поста (с маслом, без масла и т.д.), и каждый мирянин выбирает свой уровень соответственно своим силам, оценивая этот уровень если не с точки зрения духовной пользы, то хотя бы с точки зрения отсутствия вреда?

– Да, каждый человек должен определить себе свою меру поста. Самым актуальным, на мой взгляд, является сегодня воздержание от излишней информации; что же касается гастрономической части поста, то, я считаю, она должна быть шире монастырских уставов, а по условиям жизни в большом городе – предельно смягченная. Для многих мера здесь – это не готовить дома мясо и воздерживаться от скоромных продуктов по средам и пятницам и в предпразднество Рождества. У кого больше сил – может прибавить себе к этому минимуму еще что-то.

– Но каков должен быть здесь критерий? Собственная совесть? Благословение духовника?

– Совесть – несомненно. Господь раз и навсегда определил нам правильный подход ко всем внешним законам и положениям, к которым относится и пост: суббота для человека, а не человек для субботы (Мк. 2; 27). Следовательно, пост должен проходить не в формальном буквализме, а в том, чтобы была польза для души; а эту пользу и определяет наша совесть.

Критерии здесь можно предложить следующие. Первый – чтобы во время поста (как, впрочем, и во всякое вре-

мя) думать о Боге и ближнем, а не о еде, *«ибо Царствие Божие не пища и питие, но праведность и мир и радость во Святом Духе»* (Рим. 14; 17). Если пост не приносит нам радости и мира, возрастания в любви к Богу и ближнему – то, спрашивается, какой смысл в нашем пощении?

Преподобный Макарий Великий об этом совершенно ясно пишет: *«Если не находим в себе обильных плодов любви, мира, радости, кротости, смирения, простоты, искренности, веры и долготерпения, то тщетны и напрасны были все наши подвиги; потому что всякое такое делание и все подвиги должны совершаться ради плодов. Если же не оказывается в нас плодов любви и мира, то вотще и напрасно совершается все делание»* (Духовные беседы. СТЛ, 1994, стр. 349).

Дальше мы должны внимательно смотреть внутрь себя и видеть: если во время поста мы начинаем лучше и тоньше понимать, что такое благодарность Богу, если в нас возрастает желание поучаться в Священном Писании, если в нашу жизнь

начинает привноситься та ровность, о которой я уже не раз сказал, причем ровность эта сопровождается некоей тихостью, если – вот, пожалуй, главный признак – мы начинаем видеть себя чуть-чуть «со стороны», с некоторой долей иронии, причем со стороны именно ближних и наших отношений с ними – то мы на верном пути, и пост приносит свои плоды. Если же плодом постного времяпровождения является уныние, слабость, раздражительность, ожесточение – значит, что-то не то с нашим постом.

Духовник? Да, очень хорошо, когда есть такой духовник, с которым можно обговорить все эти вещи и который воспринимает пришедшего к нему человека не как «винтик», который нужно непременно завернуть в схематически-церковную «гаечку», а индивидуально. К сожалению, так бывает далеко не всегда.

– Икра и морепродукты – это «рыба» или что?

– Возвращаемся к гастрономической теме? Это то, что, вообще-то го-

воря, дорого. Если организму необходимо, то лучше купить и съесть что-то не слишком строго-постное и тем самым подкрепить свои силы, а разницу в деньгах отдать нуждающимся.

– Если в пост у человека обостряется ведущая страсть, пресекать которую на подходе просто не получается, это уважительная причина, чтобы ослабить пост? Если нет, то возможно ли дать какой-то универсальный совет?

– Нет, здесь надо смотреть индивидуально. Что за страсть? Не скрывается ли тут то, что вне поста мы «законно» разрешаем ей действовать, а постом это вроде неудобно, и поэтому именно постом она обостряется? Но борьба со страстями совершается у христианина в ежедневном порядке и требует, как я уже говорил, ровности и постоянства, и пост тут вовсе не причем.

– Четыре многодневных поста чем отличаются друг от друга по влиянию на жизнь христианина? В частности про Рождественский пост можно

сказать что-то особенное?

– Да, я заметил некую особенность. Вот уже почти двадцать лет мне приходится подвизаться на ниве катехизации, и десять лет я занимаюсь церковной публицистикой. И все эти десятилетия каждый год происходит одно и то же. В начале Рождественского поста начинают спрашивать: в чем смысл поста, как надо поститься, можно ли встречать Новый год и если можно, то как? Складывается впечатление, что в течение года контингент церковных людей меняется полностью, и всякий раз приходится говорить ровно одно и то же – как будто за двадцать, десять и даже пять лет церковной жизни человек не может усвоить какие-то очень простые вещи...

Насчет Нового года – конечно же, можно спокойно отметить Новый Год, который давно стал в нашей стране семейным праздником. Даже если брать Устав, то всегда или 31 декабря, или 1 января разрешается вкушать рыбу, так что новогодний стол может быть вполне праздничным, а текущий пост побуждает к умерен-

ности в еде, питии и развлечениях.

Совсем не по-христиански будет гордо отказываться от общения с ближними под предлогом того, что «я пощусь».

Со 2-го января начинается предпразднство Рождества, и все православные благодаря выходным дням имеют возможность подвизаться более усердно, посещать храмы (и тем самым противопоставить всероссийскому пьянственному десятидневью пост и молитву) и радостно встретить Рождество, когда во всем мире уже угадала лихорадка хождения по распродажам и покупки подарков.

Так что особенностью Рождественского поста можно считать то, что само устройство внешней жизни подчеркивает нашу христианскую неотмирность, «несовпадение с миром сим». Если эта неотмирность выразится в том, что в период поста мы хоть чуть-чуть научимся любви к Богу и ближнему, – тогда цель Рождественского поста будет достигнута.

*Беседовала Наталья Смирнова
pravmir.ru*

МОЛИТЬСЯ И УЧИТЬСЯ

Серьезные вещи нельзя произносить в лоб и без подготовки. Семя нужно сеять только во вспаханную почву. Иначе без толку звучат великие слова, и в воздухе гремят ответы на вопросы, не успевшие родиться.

Умение подобраться к серьезным темам – особое искусство, которому нигде не обучают. Это искусство тем более ценное, чем более несерьезны времена, чем больше в людях привычки отмахиваться от вопросов по существу и привычно твердить некритично усвоенные формулировки.

Вот Остап Бендер, влюбившись, написал, точнее – родил, стихотворение. Оказалось, ранее его это же стихотворение родил Пушкин: «Я помню чудное мгновенье: / Передо мной явилась ты...» И так далее. Здесь мало смеха. Бендер-то талантлив

во многих областях, а в некоторых просто гениален. Он гениален, но неучен. Будь он учен, то есть классически образован, он написал бы свои собственные шедевры под действием любовного томленья или усталости от житейской суеты. Все прежде написанное другими и ему знакомое стало бы плодородной почвой для нового диковинного растения. А так – ничего оригинального и неизбежные обиды на опередивших его знаменитостей.

Этот эпизод из «Золотого тельца» – иллюстрация к одной из сентенций Конфуция, звучащей так: «Учиться и не думать – бесполезно, а думать и не учиться – опасно».

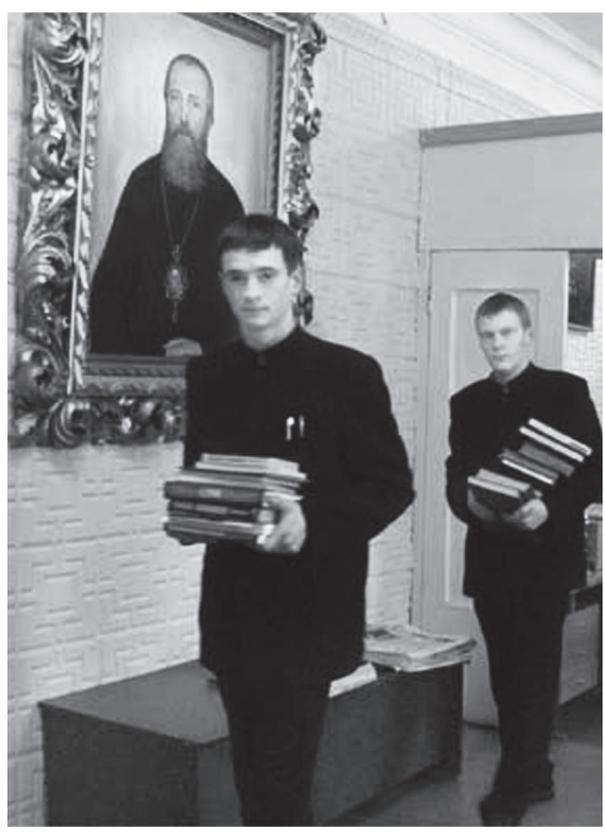
Талантливому человеку, человеку, любящему думать, обязательно нужно учиться. Хотя бы для того, чтобы не повторять «чужие зады» и не открывать давно открытое. Нужно освоить багаж уже совершенных открытий, стать на вершину этой горы и далее действовать в силу имеющегося дарования. Если этого не делать, то придется изобретать велосипед и открывать теорему Архимеда, придется бежать в патентное бюро со своим свежим и подлинным открытием и там встречать ехидные улыбки канцеляристов. Так, умные, как ни странно, обязаны учиться более неумных, у которых преподаваемое привычно влетает в одно ухо, чтобы благополучно вылететь через другое. Те, вторые, найдут свою жизненную нишу и будут тихо жить. От них не жди (слава Богу!) ни больших пожаров, ни изобретения огнетушителя. А вот алмазы нужно ограничивать и полировать.

Ались мне этот Бендер с Архимедом и Конфуцием! Меня интересует Церковь и нынешний ее исторический этап. Слова Конфуция в отношении Церкви можно переиначить так: «Учиться и не молиться – бесполезно, а молиться и не учиться – опасно». Почему опасно? Потому что Арий был очень набожен и аскетичен, но верил в свою правоту наперекор голосу Церкви. Потому что все Савонаролы, Торквемады и Лойолы были фанатиками идеи, людьми, очень строгими в быту, а все кошмары, с ними связанные, были логическим продолжением их страстного опыта и неумных порывов не в меру горячего сердца. Люди эти сузили свое сознание до решения одной-единственной проблемы, которую они считали главной, и имена их и многих подобных им стали именами нарицательными. Правильно ощутив тревожность своего исторического момента, они неправильно реагировали на эту тревогу.

Правда, кто-то спросит: «А что это еще за Лойола и Савонарола?» Но вопрос этот, если прозвучит, будет еще одним доказательством того, что «мо-

литься и не учиться – опасно».

Лучше всего угроза со стороны молящегося невежества видна на вопросах, связанных с эсхатологией. Испуганность, взвинченность, тревожность в связи со всем, что прикасается к теме последних времен, как раз свойственна людям благочестивым. Скептики и неверы, слыша сии громы, не крестятся. А вот молящиеся люди внимательны – иногда страшно внимательны – ко всему, что связано с концом света. Горько признать, но многие из них ни к чему более не внимательны вообще, кроме темы антихриста. Опасаются кодов, но

сами ведут себя, словно уже закодированные, ибо ни о чем, кроме кодов, говорить не умеют и не хотят. Это тот случай, о котором говорил Достоевский в «Бесах», когда не человек обдумывает мысль, а уже «мысль думает человека». Человек уже не свободен, он – жертва одной мысли, и эта мысль жует его и проглатывает.

Дело здесь именно в образовании, точнее – в отсутствии его. Дело в том феномене, который можно назвать «благочестивым невежеством». Это невежество есть обратная, противоположная сторона «ученого безверия», а уж какая из этих двух болячек опаснее – думайте сами.

Безбожник готов от лампадки прикурить, а «эсхатолог» изучает штрих-коды в супермаркете. И что ты с этим всем поделаешь? А жизнь где? А середина где? Ведь жизнь-то кипит между «минусом» и «плюсом», а не на полюсах!

Говоря о пришествии в мир Спасителя, апостол Павел употребляет выражение «полнота времени». Он говорит: «Когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего Единородного, Который родился от жены, подчинился закону» (Гал. 4; 4). Это значит, что вся христианская история – от Рождества до Второго пришествия – проходит в атмосфере полноты времени. Мы погружены в эту полноту и на Евхаристии даже совершаем «вспоминание Второго и славного Христова пришествия».

Поэтому неудивительно, что все эпохи и все христианские народы в разные этапы своего церковного бытия были чутки к вопросу «последнего времени». Ожидание Второго пришествия могло быть напряженным и всеобщим, оно могло накаляться до крайних пределов, а могло, наоборот, затихать. Но оно никогда не исчезало. Оно было всегда и везде оставляло следы. Эти следы как раз стоит изучать, и знание именно этой стороны церковной жизни обладает отрезвляющими свойствами.

Человеческий век краток. Человек быстро взрослеет, быстро стареет, быстро приближается к земному пределу, порогу. И все в его жизни совершается впервые, все уникально, все неповторимо. Поскольку человек не жил раньше, поскольку тревоги прежних эпох для него тождественны тревогам мифических марсиан, он склонен спешить. «Вот оно – то, о чем предсказано», – говорит человек, видя совпадения пророчеств с действительностью. О том, что такие же совпадения – и даже большие, – видели христиане прежних веков, он думать не склонен. Отсюда поспешность, отсюда накал страстей и пафос обличений. Отсюда недалеко до сектантства, до поспешного ухода в лес, до зарывания в землянки.

Аведь Второе пришествие – это Тайна. Тайну эту никто не отменял. Она неизвестна ангелам. Если бы мы были как-то особенно дружны с архистратигом Михаилом и попросили его, чтобы он по дружбе открыл нам время Великого суда, то первый среди архангелов бы ответил, что он этого не знает. Даже ангельскому миру это неизвестно! И подготовиться заранее, подстелить соломку, чтобы не больно упасть, не получится. Единственное приготовление – жизнь по заповедям, ежедневное творение воли Божией и молитва. *«Возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитает».*

Бог умеет избранных избавлять, и об этом часто говорят в посланиях апостолы.

«Твердое основание Божие стоит, имея печать сию: "познал Господь Своих"; и "да отступит от неправды всякий исповедующий имя Господа"» (2 Тим. 2; 19). То есть нам нужно отступить от неправды, а Господь Сам знает, как и кого избавить. Вот и все приготовления.

Итак, нам не пристало спокойное благодушие, отдающее неверием. Знамения нам известны, и многое свершается на наших глазах. Но нам не пристала и нервная активность, способная пугать, сбивать с толку, ссорить людей между собой. Жар сердца стоит уравнивать холодностью ума. К.С. Льюис говорил о «приветривании ума воздухом иных эпох», то есть о чтении и погружении в проблематику времен минувших. В них часто мы узнаем самих себя – узнаем и успокаиваемся. А иначе день сегодняшний нам не с чем сравнить. Одним словом, можно повторить ранее произнесенный тезис: мало молиться, нужно еще и учиться. По мере сил, по чуть-чуть, но обязательно.

И еще одно.

Учиться всю жизнь должны мы, священники. Должны учиться хотя бы потому, что священник есть человек, молящийся часто. Вся жизнь его – молитва, то – от сердца, то – по необходимости и долгу. Того и гляди перемолишься, «перегреешься», сам перепугаешься и паству начнешь пугать. Пастырь «в стеклянном доме живет». Его грехи всем видны, и люди ропшут, перечисляя наши слабости: у того – одно, у того – другое. При этом мало кому известно, что особый вред и

особая опасность может исходить не только от батюшки-бизнесмена или батюшки-выпивохи, а и от священника с высоким аскетическим идеалом. В случае, если он, как на Руси говорили, «свят, но неискусен», проблемы от его деятельности могут родиться специфические, закутанные в православную видимость и оттого еще более серьезные. Роль всемирных хранителей веры, на которую мы часто претендуем и о которой мечтаем, мы если и будем играть, то не иначе, как обогащаясь всеми видами полезных знаний. Иначе – беда. Беда, имя которой «невежество».

По две-три серьезные книжки ежемесячно, как минимум, стоило бы читать каждому православному священнику. Не тонкие брошюры, а серьезные книжки. Вот это бы точно оказало очень серьезное влияние и на судьбы мира, и на состояние церковной жизни в нашем дорогом и измененном Отечестве.

Чтоб подкрепиться авторитетами, послушаем классика. Послушаем, что у Чехова в «Степи» говорит отец Христофор главному герою, отправляющемуся на учебу:

«Что наизусть надо, то учи наизусть, а где нужно рассказать своими словами внутренний смысл, не касаясь наружного, там своими словами. И старайся так, чтобы все науки выучить. Иной математику знает отлично, а про Петра Могилу не слышал, а иной про Петра Могилу знает, а не может про луну объяснить. Нет, ты так учи, чтобы все понимать! Выучись по-латынски, по-французски, по-немецки... географию, конечно, историю, богословие, философию, математику... А когда всему выучишься, не спеша, да с молитвою, да с усердием, тогда и поступай на службу. Когда все будешь знать, тебе на всякой стезе легко будет...»

Апостол Павел говорит: «На учения странна и различ-

на не прилагайтесь». Конечно, если чернокнижие, буесловие, или духов с того света вызывать, как Саул, или такие науки учить, что от них пользы ни себе, ни людям, то лучше не учиться. Надо воспринимать только то, что Бог благословил. Ты соображайся... Святые апостолы говорили на всех языках – и ты учи языки; Василий Великий учил математику и философию – и ты учи; святой Нестор писал историю – и ты учи и пиши историю. Со святыми соображайся...»

Учиться надо, со святыми соображаясь.

Таков вывод.

На том и прервемся.

*Протоиерей Андрей Ткачев
Православие.ру*

Реформа образования как шанс для Церкви

В настоящее время российское образование встало на путь реформ, которые не встречают поддержки у значительной части общества. Конечно, старая советская школа тоже имела свои изъяны, но внесенные в нее за прошедшие годы изменения, кажется, добавили немало новых. Например, даже по поступающим в семинарии абитуриентам видно, как сильно упал уровень владения русским языком среди выпускников российских школ. Об этом и о других недостатках много сказано в последние годы как церковными, так и светскими людьми. Однако проводимые сейчас Министерством образования реформы в рамках федерального закона №83-ФЗ вызывают еще более сильное неприятие как со стороны родителей, так и со стороны учителей, которые 15 сентября провели митинги протеста в нескольких регионах страны. Некоторые даже называют проводимую реформу «катастрофой» и «гибелью для нашей страны».

Борьба, развернувшаяся вокруг законопроекта, возможно, приведет к смягчению отдельных его положений, а также скорректирует сроки его введения в действие, но сама по себе реформа государственного образования, насколько можно судить, для властей – вопрос решенный.

Можно много сетовать по этому поводу, но лучше задуматься о той перспективе, какую сложившееся положение открывает для Церкви. Мы могли бы дать обществу альтернативу, развивая православное среднее образование. Настоящие условия могут обеспечить широкую общественную поддержку данной церковной инициативе. И, соответственно, это откроет новый путь для благотворного влияния Церкви на общество.

Конечно, создание и развитие церковной системы среднего образования – дело крайне трудное, но все-таки невозможным его назвать нельзя. Не придется начинать «с нуля», поскольку в стране уже существуют десятки православных школ и гимназий, многие из которых работают более десяти и даже пятнадцати лет. За это время ими был накоплен опыт, выработаны подходы, подготовлены и опробованы учебно-методические пособия. Нужно лишь должным образом осмыслить и систематизировать все это для распространения в масштабах страны.

Несмотря на огромные трудности своего существования, православные школы и гимназии уже показали себя вполне конкурентоспособными, благодаря не только высокому уровню преподавания, но и более здоровому нравственному климату среди учащихся. Конечно, не все и не везде было гладко – за прошедшие годы в отдельных пра-

вославных школах были свои неудачи, но это тоже часть ценного опыта, который, будучи должным образом осмыслен, поможет избежать повторения таких ошибок в будущем, при создании общецерковной системы среднего образования.

Речь не идет о том, что все российские школы станут церковными, – это невозможно и не нужно. Общее образование обязательно для всех, а обучение именно в церков-

ной школе должно остаться делом свободного выбора детей и родителей. Важно, чтобы в наши школы сохранялся конкурс. Речь идет лишь о значительном увеличении числа православных школ и гимназий на территории всей страны и о мерах, направленных на то, чтобы сделать обучение в них более доступным для людей небогатых. В условиях государственной образовательной реформы альтернативные школы, дающие более качественное и полное об-

разование, встретят широкую общественную поддержку. Если мы, православные, справимся с этой задачей, которую сами обстоятельства ставят перед нами, то это уже в обозримом будущем соберет в Церкви и вокруг Церкви наиболее активные, одаренные и нравственно здоровые силы российского общества.

На пути решения данной задачи встанут три непростых вопроса – вопрос финансирования, вопрос государственного признания и вопрос подбора административных и преподавательских кадров.

Отсутствие или нехватка финансирования нередко является главной причиной, препятствующей открытию новых православных школ и гимназий. На примере уже существующих учебных заведений можно видеть различные

схемы финансирования. Есть школы, где финансовая нагрузка полностью ложится на родителей, – соответственно, учиться в них могут только дети из состоятельных семей. Есть школы, содержание которых полностью берет на себя один или несколько меценатов. Обучение в них бесплатное, но таких примеров, к сожалению, немного. Есть школы, которые имеют поддержку из епархиального бюджета, есть школы, которым удалось встроиться в какую-либо государственную программу финансирования, но и в том и в другом случае эти средства не покрывают всех расходов и часть нагрузки ложится на родителей. При решении вопроса о финансировании православной системы среднего образования нужно учитывать все указанные пути. Разумно было бы создать специальный фонд, который бы собирал средства и распределял их по школам в зависимости от их положения, поскольку очевидно, что в материально благополучных регионах можно найти средства на месте, а в менее благополучных это почти невозможно. В наполнении этого фонда должны были бы участвовать не только состоятельные люди, но все сознательные православные, для чего можно ввести обыкновенные в определенные дни по всей Церкви проводить тарелочные сборы на православные школы и гимназии.

Конечно, необходимо привлекать к решению этого вопроса и государство, – поскольку Церковь в своих школах обучает российских граждан, логично, если хотя бы часть финансовой нагрузки возьмет на себя государство, чей бюджет в немалой степени пополняется из налогов православных граждан.

Некоторые православные школы и гимназии сталкива-

ются с теми или иными сложностями при прохождении государственного лицензирования. Представляется, что этот процесс мог бы проходить более гладко, если все эти вопросы приходилось бы решать не каждой школе или гимназии отдельно, а они были бы решены в рамках договоренностей между Церковью и государством сразу для всей системы православного среднего образования.

Решение кадрового вопроса заслуживает отдельного рассмотрения, но можно отметить, что неприятие образовательной реформы со стороны значительной части учителей создает благоприятные условия для подбора кадров в открываемых православных школах.

Повторюсь, данная задача – развитие системы православного среднего образования и распространение ее в масштабах всей страны – очень сложна, но все-таки невозможной ее назвать нельзя. Новое время ставит перед Церковью новые задачи, и мы не вправе игнорировать это. Время, когда главным было построить храм и наладить в нем богослужebную жизнь, прошло. Теперь важно позаботиться о том, чтобы построенные храмы были наполнены и через десять, двадцать и тридцать лет. Мы будем иметь моральное право сказать «это невозможно», только если на опыте убедимся в этом.

Нельзя не признать того, что такая задача как создание легальной альтернативной системы среднего образования в масштабах всей России по плечу только Церкви. Никакой общественный институт, движение, партия с этим заведомо не справятся.

*Диакон Георгий Максимов
Радонеж.ру*

ПРИНОСЯЩИЕ ЧУЖДЫЙ ОГОНЬ

Некоторые мнения, высказанные в ходе обсуждения проекта документа «Церковнославянский язык в жизни Русской Православной Церкви XXI века», вызвали на Украине обоснованные опасения. Дело в том, что тема богослужebного языка напрямую связана с темой единства Церкви. И решения, которые будут приняты в результате обсуждения этого документа, затронут тему единства Церкви самым непосредственным образом.

*...но Надав и Авиуд умерли, когда принесли чуждый огонь пред Господа
Чис. 26; 61*

ниями предков, это матрица нашей ментальной и цивилизационной идентичности.

Совместное предстояние пред евхаристической чашей является фундаментом единства Церкви. Потому Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл постоянно посещает свою паству не только в епархиях Рос-

сии, но и в других государствах. Присутствуя на этих богослужениях, мы имеем возможность единими устами и единым сердцем прославлять Бога. Церковнославянский язык – это залог духовно-молитвенного единения чад Русской Православной Церкви, принадлежащих к разным народам – как славянским, так и неславянским. С другой стороны, это материальное воплощение нашей сопричастности положе-

Объединительная функция языка obviously раскрыта в тропаре праздника Пятидесятницы, пением которого принято предвещать церковные Соборы. Само название этого языка свидетельствует о его назначении: церковнославянский язык есть литургический язык народов славянского мира. Любой священник и простой верующий из стран, где церковнославянский язык является богослужebным, может совершенно свободно служить или молиться в храмах Украины, а наши верующие осознанно могут молиться

на службах в храмах Сербии, Болгарии, Чехии, Польши и других стран. В этом видится великий Промысл Божий о славянских народах.

Созданный с использованием синтаксической основы древнегреческого языка и лексических заимствований из него, церковнославянский язык содержит в себе все богатство интеллектуального потенциала античности. Будучи понятным для рядовых граждан, этот язык сыграл колоссальную роль в становлении культуры славянских народов, стал для них своеобразным государствообразующим ферментом. Поэтому вытеснение этого языка в X-XI веках у западных славян латынью привело к угасанию у них национального самосознания и немецкому засилью в их государствах.

Еще в XVI веке в Речи Посполитой наших предков лукаво убеждали в необходимости отказа от церковнославянского языка – для того чтобы лишить их корней, окатоличить и ополчить. И уже тогда духовные предшественники нынешних неомодернистов утверждали, что этот язык непонятен и бесполезен. В 1577 году иезуит Петр Скарга, обращаясь к православным, писал: «И что это за язык, которого теперь уже никто не понимает и не понимает написанного на нем? Нет на нем ни грамматики, ни риторики – и быть не может. Сами православные священники теперь уже не понимают этого языка и спрашивают объяснения на польском языке». Просвещенный народ невозможно поработить. Иноземные властители не могли смириться с тем, что у нас каждый простолюдин понимал богослужение и мог читать книги, едва освоив славянскую азбуку – в то время как в «просвещенной Европе» для этого необходимо было годами изучать латынь.

Кроме того, было бы непростительным грехом перед Богом, Церковью и нашими благочестивыми предками пытаться, сделав богослужение якобы более понятным для русских, сделать его непонятным для других славянских народов. При этом усилились бы позиции тех, кто настаивает на замене церковнославянского языка богослужения на украинский, белорусский и другие языки. И это касается не только зарубежных стран.

Ведь при этом мы впускаем в Церковь стихию национализма. В национальных республиках самой Российской Федерации местные «патриоты» начнут требовать служить на алтайском, якутском, татарском, чувашском, марийском и других языках, начнется разъединение верующих в епархиях на «русскоязычные» и «национальные» приходы. Потому что новый язык богослужения не сможет рассчитывать на то отношение, которое у этих народов исторически сложилось к церковнославянскому языку – ведь именно на церковнославянском они восприняли в древности Православие. Этот язык будет восприниматься как язык светский, как язык титульной нации, это не будет тот язык, на котором издревле молились их предки – православные татары, марийцы, чуваша и другие народности.

Мы называем нашу Церковь не Российской – но Русской Православной Церковью. Это мудрое решение принял Святейший Патриарх Сергей в переломном для нашей Родины 1943 году. В июле 2008 года Святейший Патриарх Кирилл сказал: «Россия, Украина, Беларусь – это есть Святая Русь. Мы с вами единая Святая Русь». Эту же мысль более пространно выразил глава Синодального отдела по взаимодействию Церкви и общества протоиерей Всеволод Чаплин: «Русская Православная Церковь – это не Церковь Российской Федерации. Слово «Русская» в ее названии – это не этноним. Оно относится к историческому понятию «Русь», к духовной общности людей, чувствующих эту общность в рамках традиции Святой Руси, которая родилась в Киеве и вобрала в себя многие народы». Так что ставить вопрос об отношении к переводу богослужения в РПЦ только перед гражданами России, по меньшей мере, некорректно.

Право же, странно читать про странные рассуждения о том, из каких первоисточников и по какой методике станут наши реформаторы переводить книги годового и суточного круга богослужения. И только ли для того затевается эта реформа, чтобы просто перевести все богослужебные книги на общепонятный

язык, как во время Никоновской реформы XVII века? На улице XXI век – век глобализации и унификации. Под европейские стандарты весь мир подгоняется: армия – под стандарты НАТО, образование – под требования Болонской системы... А Церковь хотя бы переключиться на протестантские лекала. Сейчас параллельно с темой перевода богослужения на разговорный язык обсуждается возможность отмены евхаристического поста, а также молитвенного правила и исповеди перед Святым Причастием. Поскольку всенощное бдение есть подготовка верующих к Божественной литургии, то, если возможно участие в Евхаристии без правила ко Святому Причащению, следовательно, и совершение всенощного бдения перед литургией необязательно. Кстати, на Украине в униатских храмах, за исключением монастырей Студийского устава, суточный круг богослужения уже не совершается, так как повсеместно вошло в практику совершение литургии в вечернее время.

Какой смысл переводить богослужебные книги? У нас униаты и раскольники уже 20 лет служат на украинском языке. У автокефалов и филаретовцев всенощное бдение состоит из одной лишь вечерни, после которой иногда читается акафист. Утренняя не служит почти нигде. Если ее все-таки совершают, то вместо шестопсалмия и кафизм читаются избранные псалмы, из канона – лишь ирмос 9-й песни, тропарь и кондак. Большинство ектений опускается. Сугубая ектения сокращена до четырех прошений. Часы не читаются вообще. Таким же образом «совершается» и литургия. Особенно тягостное впечатление производит принятая у греко-католиков, а местами и у раскольников, манера преподавать Святое Причастие: из гигиенических соображений униатские священники мечут частицы Святых Даров в глотки верующих так, чтобы лжица не касалась уст причастников.

В настоящее время употребляется восемь переводов на украинский, начиная с творений самосвята Василия Липковского и заканчивая трудами «патриарха»-расстриги Филарета Денисенко и «архиепископа» Игоря

Исиченко, которого уже и сами автокефалы отлучили от своей церкви. Одновременное употребление всех этих переводов внесло в богослужение хаос. Когда богослужение совершается соборно, идет «фестиваль» переводов – так что никто не знает, как прозвучит очередной возглас.

Всего этого безобразия даже униаты не пожелали терпеть. Еще в начале 1990-х годов проживающие в Закарпатской области Украины русины – греко-католики заявили, что церковнославянский язык является исконным языком их народности, и отказались переходить на украинский язык богослужения. В результате взбунтовавшаяся греко-католическая Мукачевская епархия сейчас находится в непосредственной юрисдикции Римского папы на правах самоуправляемой Церкви и продолжает пользоваться церковнославянским языком. В 2000 году еще одна группа духовенства и монашествующих, не желающих переходить на украинский язык богослужения, перешла из УГКЦ в юрисдикцию католических традиционалистов – последователей архиепископа Марселя Лефевра.

Что касается канонической Украинской Православной Церкви, возглавляемой митрополитом Владимиром, то у нас никогда не было проблем с богослужебным языком. Во всех приходах, где этого желают сами прихожане, богослужения совершаются на национальных языках. В Черновицкой епархии существует более сотни румыноязычных приходов. На Вольныи есть около десятка приходов с украинским языком богослужения – это те приходы, верующие которых в 1945 году воссоединились с РПЦ, перейдя в нее из поликарповского раскола, при этом они попросили разрешить им совершать богослужение на украинском языке – по Служебнику, переведенному Иларионом Огиенко. Им было дано такое разрешение, и теперь это их местная богослужебная

традиция. Лично я не могу отметить, что перевод богослужения как-то особенно положительно повлиял на духовный и нравственный уровень верующих.

Начиная с 1989 года, греко-католиками были захвачены около 2300 храмов в Галичине. В нашей Тернопольской епархии 470 церквей захвачены униатами, 112 – автокефалами и 73 – филаретовцами. В 2005 году филаретовцы захватили Свято-Троицкий храм села Рохманив, настоятелем которого я являюсь. С целью восстановления справедливости мои прихожане установили палаточный храм перед Верховной Радой Украины, в котором я прослужил более

Евангелие.

Теперь возьмем для примера страну, где была проведена реформа богослужебного языка, – соседнюю Польшу. Прошло уже 40 лет, как в этой стране перешли с латыни на современный польский язык. Были внесены изменения в чинопоследование мессы. Священникам предписано стоять спиной к алтарю – чтобы они служили лицом к народу. Верующим было велено во время пения молитвы «Отче наш» поднимать руки вверх, а перед причащением – обмениваться рукопожатиями. В 1994 году девушкам разрешили, наряду с молодыми людьми, прислуживать священникам во время мессы. В литургическое употребление был введен позаимствованный у буддистов гонг. Поскольку все это происходило и на Украине, мы были свидетелями того, как болезненно переносили наши соседи-католики все эти издевательства над литургической традицией своей Церкви.

Коммунистический режим в Польше проводил довольно гибкую политику по отношению к Церкви. В 1988 году в Польше насчитывалось 8300 католических приходов, 24 100 священников, 51 семинария и Католический университет в г. Люблине. В 2009 году Католическая Церковь в Польше имела в своем распоряжении 10 000 приходов, 128 епископов, 24 455 священников, 84 семинарии, 500 общеобразовательных школ. 27 лет католическим миром правил папа-поляк Иоанн-Павел II, который дал Католической Церкви в Польше все. Здесь нет проблем с кадрами духовенства, много воцерковленных и богословски образованных мирян. Тем не менее, за это время численность католиков, посещающих воскресную мессу, уменьшилась в Польше на треть и ежегодно сокращается на 400 000 человек. В период с 2004 по 2009 годы численность семинаристов сократилась на 34%. За последние 10 лет наполовину уменьшилось число лиц, поступающих в монастыри. Еще более удручающую

Иоганн Ульрих Краусс
«Сожжение Богом Надава и Авиуда перед жертвенником»

пяти лет. Храм нашей общине не возвращен по сей день. Несмотря на постановление суда, наши верующие не допускаются в этот храм. Со стороны раскольников по отношению к нам проявляется лишь насилие и жестокость. Естественно, меня можно обвинить в предвзятом отношении к этой проблеме. Тогда давайте доверимся бесстрастной статистике.

Согласно данным Европейского социального исследования за 2008-2009 годы, самый высокий уровень религиозности в Европе зафиксирован на Кипре – 99% и в Греции – 81%. Как известно, Кипрская и Элладская Православные Церкви используют при богослужении древнегреческий язык, на котором было написано 2000 лет назад Святое

картину мы видим в других европейских странах. 3 миллиона католиков покинули Церковь в Чехии; в Германии только в прошлом году 180000 граждан заявили о выходе из Католической Церкви, а треть католических храмов из-за отсутствия прихожан выставлены на продажу. В Голландии по той же причине лишь 36% католических храмов используется для проведения богослужений, 1200 храмов продаются через агентства недвижимости и Интернет. В то же время на Украине в текущем году строится более 1000 храмов, существует конкурс при поступлении в семинарии, ежегодно открываются новые монастыри.

Ватикан уже осознал фатальность ошибок, допущенных на II Ватиканском Соборе. В богословских кругах зашла речь о необходимости «реформирования реформы». В храмы начали возвращать алтарные преграды и песнопения на латыни. В июле 2007 года папа Бенедикт XVI разрешил использование дореформенного Бревиария (Часослова) и Миссала (Служебника). В августе 2009 года понтифик призвал верующих католиков вернуться к дореформенной традиции совершать коленопреклонения перед принятием Святого Причастия. Вначале священники пытались призывать народ преклонять колени, но вскоре оставили эти попытки. Оказалось, что восстановить утраченную традицию, если утрачен молитвенный дух, не под силу даже Римскому папе.

Так стоит ли нам повторять этот путь? Неужели нас ничему не учат чужие ошибки? Установкой в церкви скамеек, сокращением богослужения и переводом его на разговорный язык народ в храмах не удержать и уж тем более в них не привлечь. Неужели кто-то желает, чтобы нашу Церковь, которая только стала оправляться от ужасов атеистического террора, постигла та же участь, что и Церковь в Европе? Но ведь там Церковь владеет значительными средствами, земельными угодьями, акциями ведущих предприятий. Там неотъемлемым атрибутом общественной жизни являются церковные высшие и общеобразовательные учебные заведения, множество церковных больниц, приютов для сирот и инвалидов. И при всем этом там Церковь не смогла устоять перед натиском во-

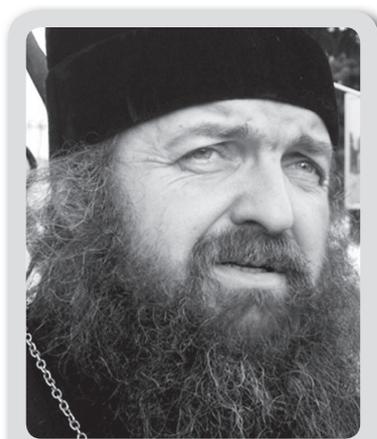
инствующего секуляризма. Но что будет с нашей Церковью, у которой все эти институты существуют лишь в мечтах и проектах, если мы потеряем веру и молитвенность и впустим в церковную ограду мертвящий дух обмирщения?

У нас, на Западной Украине, особое отношение к церковнославянскому языку, потому что он оплачен кровью наших благочестивых отцов. Во время Великой Отечественной войны за отказ отречься от церковнославянского языка бандитами-националистами были убиты десятки православных священников. Только летом 1943 года их погибло около 30. Покушались даже на жизнь преподобного Амфилохия Почаевского. 7 мая того же года был убит митрополит Волынский и Житомирский Алексий (Громадский), а в августе повешен епископ Владимиро-Волынский Мануил (Тарнавский). Главное, что удерживало в то страшное время наш народ от перехода к раскольникам, была его любовь к нашему выстраданному и намоленному церковнославянскому языку. Этот язык дан Богом через равноапостольных Кирилла и Мефодия славянским народам, чтобы они приносили Ему словесную службу.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, небесным покровителем которого является создатель славянской азбуки, с сожалением воспринимает неуместные реформаторские кампании, угрожающие церковному единству. Его духовный наставник – выдающийся иерарх нашей Церкви митрополит Ленинградский и Ладужский Никодим (Ротов) – был любителем и знатоком церковного устава и церковнославянского языка. Им было создано множество служб и молитвословий, занявших достойное место в сокровищнице церковнославянского богослужения. Литургическое наследие приснопамятного владыки Никодима является для нашей Церкви его заветом верности церковнославянскому

языку. Святейший Патриарх Кирилл, верный заветам своего учителя, стоит на страже богослужебной традиции Русской Православной Церкви. Он четко и однозначно высказал свое мнение еще в 2009 году: «Я выступаю категорически против любых реформ в Церкви».

Сохранение большинством Поместных Православных Церквей древних языков богослужения имеет глубокий пастырский и богословский смысл. Автором богослужения является не человек, но Бог, открывший Церкви Свою волю о том, как Ему угодно принимать поклонение от человека. Разговорный язык не может употребляться при православном богослужении потому, что православное богослужение есть жертва верующих, приносимая Богу: «Иисус Христос вчера и сегодня и веки Тот же... Итак будем через Него непрестанно

Протоиерей
Олег Сирко

приносить Богу жертву хвалы, то есть плод уст, прославляющих имя Его» (Евр. 13; 8, 15).

Использование для богослужения вещей, бывших в бытовом употреблении, есть такое же святотатство, как и бытовое употребление священных предметов. Об этом сказано в повествовании о Надаве и Авиуде. Господь через Моисея повелел первосвященнику Аарону брать огонь для жертвоприношений только «с жертвенника, который перед лицом Господним» (Лев. 16; 12), – он должен был гореть непрерывно, так как это был огонь, сошедший от Господа (см.: Лев. 9; 23-24), «но Надав и Авиуд умерли, когда принесли чуждый огонь пред Господа» (Чис. 26; 61): «Надав и Авиуд, сыны Аароновы, взяли каждый свою кадильницу, и положили в них огня, и вложили в него курений, и принесли пред Господа огонь чуждый, которого Он не велел им; и вышел огонь от Господа и сжег их, и умерли они перед лицом Господним» (Лев. 10; 1-2).

Протоиерей
Олег Сирко
Православие.ру

ДРЕВНЕХРИСТИАНСКАЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ СИМВОЛИКА

Самые ранние христианские символические изображения относятся ко временам древней катакомбной Церкви и первых гонений. Тогда символика употреблялась в первую очередь как криптограмма, тайнопись, чтобы единоверцы могли узнавать друг друга во враждебном окружении. Однако смысл символов был всецело обусловлен религиозными переживаниями; тем самым можно утверждать, что они донесли до нас богословие ранней Церкви.

Мир иной приоткрывается в этом мире через символы, поэтому и символическое видение есть свойство человека, который предназначен к бытию в этих двух мирах. Поскольку Божественное в той или иной степени открывалось людям всех дохристианских культур, то неудивительно, что Церковь использует некоторые из языческих образов, уходящих своими корнями не собственно в язычество, а в глубины человеческого сознания, где даже у самых пламенных атеистов дремлет жажда Богопознания. При этом Церковь очищает и проясняет эти символы, показывает стоящую за ними истину в свете Откровения. Они оказываются подобны дверям в другой мир, прикрытым для язычников и распахнутым настезь в христианстве. Отметим, что в дохристианском мире в наибольшей полноте была просвещена Богом ветхозаветная Церковь. Израиль знал путь познания Единого Бога, а следовательно, и язык его символов был наиболее адекватным тому, что за ними стояло. Потому многие ветхозаветные прообразовательные символы естественно входят в христианскую символику. Объективно это связано и с тем, что первыми христианами были в основном выходцы из иудейской среды.

Символизм христианского искусства этой поры был проявлением естественного для религиозного человека видения мира, был способом познания сокровенных глубин мироздания и его Творца.

Отношение к непосредственному изображению Бога и «мира невидимого» было неоднозначным даже среди ранних Отцов Церкви;

у всех перед глазами был пример язычества, в котором религиозное почитание отнималось у первообраза Божества и переносилось на его воплощенную в том или ином материале форму.

Художественно передать тайну Воплощения и Креста представлялось весьма трудной задачей. По замечанию Леонида Успенского, «для того, чтобы понемногу подготовить людей к воистину непостижимой тайне Боговоплощения, Церковь сначала обращалась к ним на языке, более для них приемлемом, чем прямой образ». Этим и объясняется обилие символов в раннехристианском искусстве.

Богатый материал для изучения раннехристианской символики дают творения Климента Александрийского, который пишет о предпочтительных для христиан изображениях. Сплав образов ветхозаветных и общекультурных мы находим в гимне Христу его сочинения (ок. 190 г.):

Подпора страждущих,
Вечный владыка,
Смертного рода
Спаситель Иисус,
Пастырь, пахарь,
Кормило, устье*,
Крыло Небесное
Святого стада.
Рыбарь всех смертных,
Тобою спасенных
В волнах неприязненных.
Из моря нечестия

Сладкою жизнью уловляющий,
Веди нас, овец
Разумных Пастырь
Святой, веди нас,
Царь детей непорочных.
Стопы Христа –
Путь Небесный.

Здесь мы приведем лишь основные символы из той совокупности древнехристианской символики, которая передает целостную картину миропонимания Церкви и чаяния Небесного Царствия.

Главные символы естественным образом связаны с самым существенным в жизни Церкви – Спасителем, Его крестной смертью и утвержденным Им таинством Богообщения – Евхаристией. Таким образом, главные евхаристические символы: хлеб, виноград, предметы, связанные с виноградарским делом, – получили наиболее широкое распространение в живописи катакомб, в эпитафие; они изображались на священных сосудах и предметах обихода христиан. К собственно евхаристическим символам относятся изображения виноградной лозы и хлеба.

Хлеб изображается и в виде колосьев (снопы могут символизировать собрание апостолов), и в виде хлебов причащения. Приведем рисунок, явно апеллирующий к чуду приумножения хлебов (Мф. 14; 17-

* Слово «устье» может значить и «гавань». – Ред.

21. Мф. 15; 32-38) и в то же время изображающий хлеб Евхаристии (о символике изображения рыбы см. ниже).

Виноградная лоза – евангельский образ Христа, единого источника жизни для человека, которую Он подает через причастие. По слову Кли- мента Александрийского, как лоза дает вино, так Божественное Слово дало Свою кровь (ср. Ин. 15; 1 «Я есмь истинная виноградная лоза»).

Символ лозы имеет также значение Церкви: ее члены – ветви; виноградные грозди, которые нередко клюют птицы, суть символ Причащения – способа жизни во Христе. Виноградная лоза в Ветхом Завете – символ земли обетованной, в Новом – рая; в этом значении лоза еще долго используется в качестве декоративного элемента. Вот совершенное изображение лозы из мозаик мавзолея Сан-Констанца в Риме.

К символике винограда относятся также изображения чаш и бочек, используемых при его уборке. Виноградная лоза, чаша и крестообразная монограмма Христа.

Приведем фрагмент равеннской мозаики VI в., изображающей лозу, монограмму Христа и павлина – птицу, символизирующую возрождение к новой жизни.

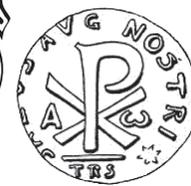

С самим Спасителем связаны изображения *рыбы* как своеобразной отсылки к имени Христа; *Доброго Пастыря* (Ин 10; 11-16. Мф 25; 32); *Агнца* – Его ветхозаветного прообраза (например, Ис. 16; 1. ср. Ин. 1; 29), а также Его *имени*, выраженного в знаке (монограмме) и в прикровенном изображении Креста в образе *якоря, корабля*.

Остановимся прежде всего на монограмме имени Христова. Эта монограмма, состоящая из начальных букв X и P, получила большое распространение, возможно, начиная с апостольских времен. Мы находим ее в эпиграфике, на рельефах саркофагов, в мозаиках и пр. Возможно, монограмма восходит к словам Апокалипсиса о «печати Бога Живо-го» (Откр. 7; 2) и «новом имени побеждающему» (Откр. 2; 17) – верному в Царствии Божиим.

Греческое название монограммы *сiсma* (собств. «помазание, миропомазание») может переводиться как «печать». Форма монограммы существенно видоизменялась с течением времени. Древние формы: $\text{P} \times \text{X}$. Наиболее распространенный вариант $\text{X} \times \text{P}$ усложняется в раннеконстантиновское время: $\text{X} \times \text{P}$, ок. 335 г. он преобразуется в $\text{P} \times \text{X}$ (исчезает буква X). Такая форма имела большое распространение на востоке,

особенно в Египте. Нередко она украшается пальмовыми ветвями или утверждается в лавровом венке (античные символы славы), сопровождается буквами α и ω . Приведем изображение детали саркофага II в., в которой собственно хризма не присутствует, но значение сохраняется. Такое употребление α и ω восходит к тексту Апокалипсиса: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть и был и грядет, Вседержитель». (Откр. 1; 8; см. также Откр. 22; 13). Начальная и конечная буквы греческого алфавита являют таким образом Божественное достоинство Иисуса Христа, а их соединение с Его именем (хризма) подчеркивает «...Его собезначальное бытие со Отцем, Его отношение к миру, как первоисточника всего и конечной цели всякого бытия». Таково изображение хризмы на монете импе-

ратора Константина II (317-361).

Дополнительной отсылкой ко Христу могла служить надпись, ко-

торая была шифрограммой Его имени *Christos – ikhthus*, «рыба». Помимо простого анаграммного сходства, это слово приобретало и дополнительную символическую нагрузку: его читали как аббревиатуру фразы

Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель, Iesus Christos Theu Yu Sotir. Ср. серебряную пластинку IV в. (Трир).

Изображение хризмы – постоянный мотив христианского искусства.

Приведем и интересный современный графический вариант хризмы – эмблему журнала «Sourozh».

Все эти изображения – действительно тайнопись: за известными формами букв алфавита и др. скрывается образ Распятия Воплотившегося Бога и возможность для человека измениться через приобщение к тайне Креста.

Таково изображение на могильном камне (Тунис, VIII в.).

К таким образам относится также и якорь – символ христианской надежды на будущее Воскресение, как говорит о том апостол Павел в Послании к евреям (Евр. 6; 18-20). Вот изображение якоря из римских катакомб.

В раннехристианской гемме сливаются изображение креста и якоря. Его сопровождают рыбы – символы

Христа, а из основания произрастают пальмовые ветви – символы триумфа. В прямом

ΙΧΘΥΣ ΖΩΝΩΝ

смысле, как образ спасения, используется якорь в изображении с двумя уловляемыми рыбками христианами из римских катакомб II века. А это – еще один, графически проработанный вариант того же сюжета.

Другой распространенный символ – корабль, который также нередко включает образ Креста. Во многих древних культурах корабль – символ человеческой жизни, плывущей к неизбежной пристани – смерти.

Но в христианстве корабль ассоциируется с Церковью. Церковь как корабль, ведомый Христом,

– распространеннейшая метафора (см. выше в гимне Климента

Александрийского). Но и всякий христианин тоже может уподобляться кораблику, следующему за кораблем-Церковью. В христианских изображениях корабля, несущегося по волнам житейского моря под знаком креста и направляющегося ко Христу, адекватно выражен образ христианской жизни, плод которой – обретение вечной жизни в единении с Богом.

Обратимся к образу Христа – Доброго Пастыря. Основным источником этого образа – евангельская притча, в которой Сам Христос называет Себя так (Ин 10; 11-16). Собственно образ Пастыря коренится в Ветхом

Завете, где нередко предводители народа израильского (Моисей – Ис. 63; 11, Иисус Навин – Числ. 27; 16-17, царь Давид в псалмах 77, 71, 23) называются пастырями, о Самом же Господе говорится – «Господь, Пастырь мой» (Пс. 23; 1-2). Таким образом, Христос в евангельской притче указывает на исполнение пророчества и обретение утешения народом Божиим. К тому же образ пастыря имел и имеет всем понятный смысл, так что и ныне в христианстве принято называть священников пастырями, а мирян – паствой.

Христос-Пастырь изображается в виде античного пастуха, одетого в хитон, в пастушеских зашнурованных сандалиях, нередко с посохом (посох как знак пастырского достоинства

вручается православным игуменам и епископам) и сосудом для молока; в руках он может держать тростниковую флейту. Сосуд для молока символизирует Причастие; жезл – власть; флейта – сладость Его учения («Никто никогда не говорил так, как этот человек» – Ин. 7; 46) и упования, надежды. Такова мозаика начала IV в. базилики из Аквилеи.

Художественными прототипами образа могли послужить античные

изображения пастуха, покровителя стад Гермеса, с

ягненком на плечах, Меркурия с барашком у ног – образ Богообщения. Агнец на плечах Доброго Пастыря – божественной радости о пропавшей овце – кающемся грешнике – в Евангелии от Луки (Лк. 15; 3-7), где раскрывается и пророчество Исайи: «Агнец будет брать на руки и носить на груди своей, и водить дойных» (Ис. 40; 11). Тут тайна искупления мира во Христе, отношения Бога, «полагающего жизнь свою за овец» (Ин. 10; 11), к людям. Овца в данном случае есть образ падшей человеческой природы, воспринятой Богом и возведенной Им к Божественному достоинству.

С образом Доброго Пастыря в раннехристианском искусстве соседствует образ Агнца – ветхозаветного прообраза жертвы Христа (жертва Авеля; жертва Авраама, пасхальная жертва) и евангельского Агнца, «вземлющего грехи мира» (Ин. 1; 29). Агнец-Христос нередко изображается с принадлежностями пастуха, что буквально следует словам Откровения «Агнец <...> будет пасти их и водить их на живые источники вод» (Откр. 7; 17). Агнец есть евхаристический образ, и в христианской иконографии он нередко изображается на дне литургических сосудов. Агнцем называется в современной литургической практике и часть просфоры, освящаемая в Евхаристии.

Агнец может изображаться на скале или камне, из подножия которого бьют струи четырех источников

(символы Четвероевангелия), к которым устремляются другие агнцы – апостолы или, шире, вообще христиане. Агнец из мозаик Равенны (VI в.) изображен с нимбом, на котором – хризма;

тем самым его соотнесенность с Христом предстает как совершенно бесспорная.

Изображение Христа в виде Агнца намекало на тайну Крестной Жертвы (в этом значении образу Агнца наследовало

более позднее изображение Распятия), но не обнаруживало ее перед нехристианами; однако во времена широкого распространения христианства оно было запрещено 82 правилом VI (V-VI) Вселенского собора 692 г., поскольку первенство в почитании должно принадлежать не образу, а самому образу Спасителя «по человеческому существу». По отношению к «прямому образу» такие символы являлись уже пережитками «иудейской незрелости».

В Новом Завете символика рыбы связывается с проповедью; бывших рыбаков, а после апостолов, Христос называет «ловцами человеков» (Мф. 4; 19.

Мк. 1; 17), а Царствие Небесное уподобляет «неводу, закинутому в море и захватившего рыб всякого рода» (Мф. 13; 47).

Евхаристическое значение рыбы связывается с прообразовательными евангельскими трапезами: насыщением народа в пустыне хлебами и рыбами (Мк. 6; 34-44. Мк. 8; 1-9), трапезой Христа и апостолов на Тиверийском озере по Воскресении (Ин. 21; 9-22), которая нередко изображается в катакомбах, смыкаясь с Тайной Вечерей. В Писании Христос говорит: «Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? И когда попросит рыбы, подал бы ему змею?» (Мф. 7; 9-10). По мысли толкователей образ рыбы относится к Христу как истинному Хлебу Жизни, в противоположность змее, которая символизирует диавола. Изображение рыбы нередко сочетается с изображением корзины с хлебами и вином, и таким образом символ рыбы связывает-

ся с Самим Христом. Выше мы писали, что этой соотнесенности способствует и графический облик греческого названия рыбы. Символика рыбы оказывается связанной и с таинством Крещения. Как говорит Тертуллиан: «Мы маленькие рыбки, ведомые нашим ikhthus, мы рождаемся в воде и можем спастись не иначе, как пребывая в воде».

На рисунке – изображение рыбы, служившее заставкой к письму святителя Василия Великого.

Крест Христов и Его Воскресение, апокалиптические чаяния всеобщего воскресения и настоящая жизнь Церкви в Таинстве Евхаристии – вот суть образов, скрывающихся за символами первых веков христианства, часть которых постепенно, начиная со времени Константина Великого, вытеснялась более прямыми образами.

Елена Луковникова
Православие.ру

ДЬЯВОЛЬСКАЯ ИКОНОГРАФИЯ

Если провести опрос среди простого населения на тему «Как выглядят бесы», то большая часть опрошенных наверняка назовет такие популярные детали дьявольского образа, как рога, копыта, длинный хвост, свиное рыло, клыки, когти и так далее. Что же до «аксессуаров», то здесь, видимо, будут названы среди прочего вилы (трезубец) и кочерга. Этот образ так прочно ввелся в обывательское сознание, что воспринимается как должное. Одновременно вся эта атрибутика часто служит инструментом идеологических спекуляций. Так, антенны телевизоров в ультраор-

тодоксальной прессе часто сравниваются с дьявольскими рогами. Или, например, к бесовскому трезубцу возводится главная фигура современного герба Украины.

Но если мы обратимся к классической иконописи, то не увидим в изображении диавола ни рогов, ни копыт, ни чего бы то ни было подобного.

Согласно учению Церкви, бесы – это падшие ангелы, которые вместе с сатаной отпали от Бога. Как ангелы, так и демоны являются бестелесными духами. Таким образом, их изобра-

жение, в отличие от изображений людей, целиком и полностью символично (даже если эти изображения содержат элементы видений).

Напомним, что ангелы изображаются в основном, как люди, но при этом имеют определенные символические атрибуты, например, крылья. Точно так же классическая иконография изображает и бесов: они имеют вид людей, они крылаты. А вот дальше идет конкретное различие.

Ангелы светлы. Бесы же пишутся темными, как лишенные духовного света (здесь стоит упомянуть, что в древ-

них патериках внешний вид демонов всегда прочно ассоциируется с темнокожестью: «черны, как эфиопы», что не очень порадовало бы современных поборников политкорректности).

Ангелы на иконах облачены в роскошные одежды византийских придворных (что символизирует их службу Царю Небесному). Бесы, напротив, пишутся голыми, поскольку «обнажены от всякого блага» (этот символ следует воспринимать в контексте, поскольку обнаженными изображаются и Прародители Адам и Ева в Эдеме, но здесь это означает невинность и чистоту помыслов до грехопадения).

Ангелы всегда благообразны, их волосы убраны. У демонов, наоборот, волосы вшкочены, тела иногда покрыты волосами или даже шерстью (а в редких случаях может присутствовать нечто вроде маленького хвоста).

И, пожалуй, наиболее характерное для классической иконографии отличие бесов от ангелов – это их размер. Бесы практически никогда не изображаются одного роста с человеком. Они всегда мельче. Этот символ тоже довольно легко читаем: демоны бессильны сами по себе, они, по замечанию преподобного Иоанна Дамаскина, «не имеют ни власти, ни силы в отношении к кому-либо, если не получают позволения от Бога для осуществления целей Его Домостроительства».

Как видим, в христианской иконографии бесы были в буквальном смысле «непривлекательными», они действительно не привлекали внимания. Они были неинтересными. И место для их изображений тоже было довольно определенным – задворки, они всегда маргинальны также в буквальном смысле и этого слова: их образы встречаются только в житийных клеймах, в иллюстрациях Писания и так далее. Присутствие бесов в моленных иконах было решительно невозможно, это явление уже сравнительно позднего периода (например, икона «Мученица Марина, побивающая беса»).

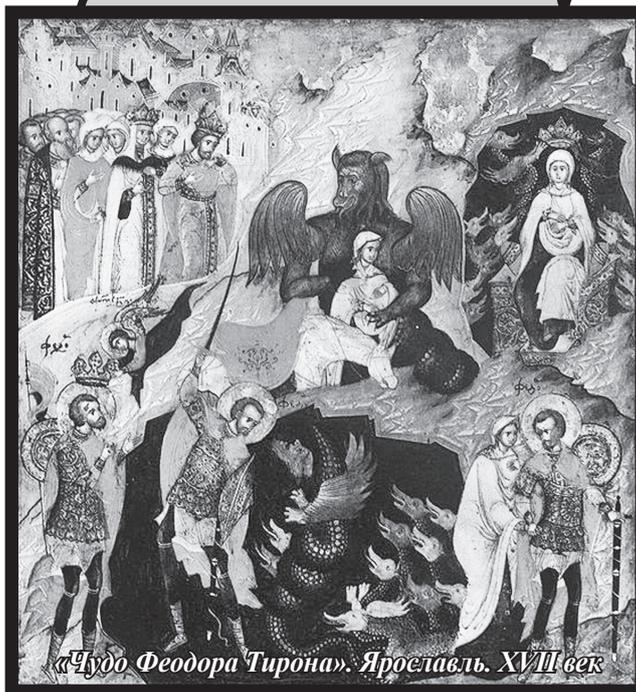
Конечно, народное творчество проникало и в иконопись, различные провинциальные школы могли «оразнообразить» блеклый образ нечистой силы. Но основное русло древней традиции всегда корректировало эти тенденции на христианском Востоке.

А вот на Западе, особенно после отпадения Западной Церкви от Православия, фольклорные тенденции стали своеобразно развиваться.

с тысячей мельчайших подробностей образ демона. Эта тенденция развивается вплоть до эпохи Возрождения, чтобы в полотнах Брейгеля, Босха и других получить наибольшую выразительность, поражающую людей даже в наш век, который, казалось бы, трудно чем-то удивить.

А дальше образ диавола стал вполне логично эволюционировать от интересного к привлекательному, от привлекательного – к романтическому. И вот уже наш отечественный художник Михаил Врубель создает целую серию работ, посвященных своему «демону», чей образ в трактовке художника обольстительно привлекателен и по замыслу даже должен вызывать сочувствие...

Православная иконопись держалась довольно долго, хотя западные элементы проникали и в восточную иконографию. Но после падения Византии, после того, как систематическая духовная образованность сменилась начетничеством, «бесопривлекательность» проникла и к нам. Многие иконописные схемы сохранились, но стали обра-

Демонские образы стали содержательней и разнообразней. Крылья, ранее ничем, кроме темноты, не отличавшиеся от ангельских, становятся перепончатыми, вшкоченные волосы преобразуются в рога, лица приобретают звериные черты.

Руки и ноги преобразовываются в чудовищные лапы. Люди начинают наделять бесов элементами своих ночных кошмаров, плодами неумной, ничем не сдержанной фантазии (стоит ли напоминать различие восточного и западного аскетических подходов к видениям и воображению?). Бесы остаются все так же отвратительны, но при этом становятся **интересными**. Как часто в готической иконописи можно встретить рядом обычный, не столь выразительный образ святого и тут же – потрясающий своим уродством,

тять известными «подробностями». Принципиальная традиционность Православия все-таки не позволила в целом этому явлению выйти за известные рамки.

Но, увы, наше время эту направленность не переломило. «Бесопривлекательность» проникла в церковную и околоцерковную литературу. Книги об антихристе, о «загробных видениях», о явлениях бесов заполнили книжные полки и сознание многих православных. Иконопись не остается в стороне и отражает, как в зеркале, эту тенденцию. Конечно, христианин должен знать о демонских кознях, но должен же выдерживаться и приоритет в изображениях. Как мы видим, увлеченность «бесовской темой» к добру не приводит. Так не пора ли вернуть демонов из нашего сознания туда, где им всегда было место, – на задворки?

Дмитрий Марченко

ЗАЧЕМ ПИСАТЬ ИСТОРИЮ?

Как известно, история — одна из древнейших в мире наук. Между тем польза от нее далеко не очевидна и на протяжении веков постоянно ставилась под сомнение. Как же отвечали на вопрос о цели написания истории и задачах историка они сами?

Моисей, начавший составление священной истории, само понятие «история» не употреблял — в нем не было нужды. Для Моисея повествование о творении, человечестве и народе Израиля — не некое полезное знание, а возвещение самому Израилю о его предназначении. **Бог, изводящий народ из Египта, дарует человеку историю как обет спасения.** Тем не менее, возник-

новение истории как научного знания обычно связывают с античной традицией, а первым историком традиционно считается Геродот (V в. до Р.Х.). Он считал себя собирателем «сведений» о «великих и удивления достойных деяниях», чтобы они «с течением времени не пришли в забвение». У Геродота (в его труде «История», хотя название это, скорее всего, более позднее, а ранее труд назывался «Музы») впервые появляется «историк» — наблюдатель и повествователь о происходивших событиях. Цель — не сотериологическая, а

антикварная.

Однако уже Фукидид (V в. до Р.Х.) привносит задачу более «научную» — он занимается «расследованием». В своей «Пелопонесской войне» он пишет

Полибий, римский военный историк

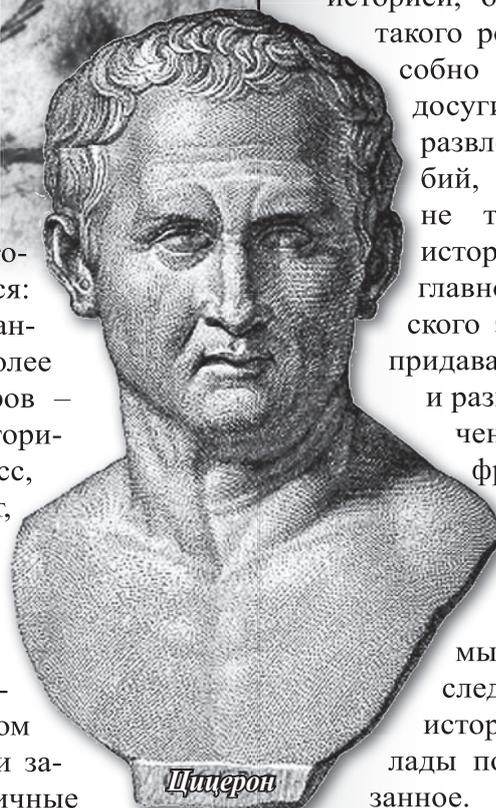

так: «Что же касается событий этой войны, то я поставил себе задачу описывать их, получая сведения не путем расспросов первого встречного и не по личному усмотрению, но изображать, с одной стороны, лишь те события, при которых мне самому довелось присутствовать, а с другой – разбирать сообщения других со всей возможной точностью. Основательная проверка сведений была делом нелегким, потому что свидетели отдельных событий давали разное освещение одним и тем же фактам в зависимости от их расположения к одной из воюющих сторон или силы памяти. Мое исследование при отсутствии в нем всего баснословного, быть может, покажется малопривлекательным. Но если кто захочет исследовать достоверность прошлых и возможность будущих событий (могущих когда-нибудь повториться по свойству человеческой природы в том же или сходном виде), то для меня будет достаточно, если он сочтет мои изыскания полезными. Мой труд создан как достояние навеки, а не для минутного успеха у слушателей». Иными словами, польза от истории – прагматическая, недопущение ошибок в будущем.

Здесь также стоит оговориться: история для античных и более поздних авторов – не некий исторический процесс, а именно текст, рассказ о событиях. Позднее подобными «расследованиями» (сбором и анализом информации) и занимались античные авторы. Например, Аристотель (IV в. до Р.Х.) написал «Историю животных», которая стала основой для создания философских работ по фауне – «О частях животных», «О происхождении животных».

Шаг вперед сделал историк Полибий (II в. до Р.Х.), автор «Всеобщей истории». Он считал, что «познание прошлого скорее всяких иных знаний может послужить на пользу людям», поскольку «уроки, почерпаемые из истории, наивернее ведут к просвещению и готовят к занятию общественными делами», а «повесть об испытаниях других

людей есть вразумительнейшая или единственная наставница, научающая нас мужественно переносить превратности судьбы». Именно Полибий заговорил об «уроках истории», которые для него имели универсальное значение и касались каждого человека. Кроме того, «прилежное занятие историей, обогащающее нас такого рода опытом, способно украсить наши досуги и доставить нам развлечение». Полибий, таким образом, не только поднимал историю на пьедестал главного человеческого знания, но также придавал ей моральное и развлекательное значение. Знаменитая фраза Цицерона «история – наставница жизни» уже была повторением мысли Полибия. Последующие античные историки на разные лады повторяли им сказанное.

Первые христианские историки осмыслили свои труды в античном контексте. Евсевий (IV в.) писал о «поучительных уроках истории». Однако уже Созомен (1-я пол. V в.) ставит перед собой более значимую задачу: «Так как для достоверности истории нужно особенно заботиться об истине, мне показалось необходимым сколько возможно более расследовать эти письменные памятники... Повествователь, как сказано, должен ставить все ниже истины». Важно учитывать, что в представлении Созомена истина имела божественное происхождение, а сама история, по его словам, есть

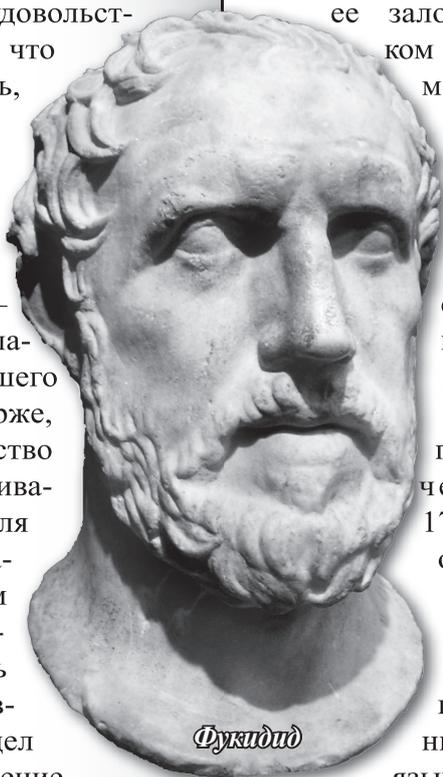
«дело не человеческое». Таким образом, уже ранние церковные историки постепенно начинают приближать свои задачи к тем, что были характерны для Моисея. Наиболее четко эти принципы сформулировал блаженный Феодорит Кирский (V в.): «Живописцы, изобразив древние события на досках и стенах, конечно, доставляют удовольствие зрителям и то, что давно совершилось, сохраняют надолго в свежей памяти. Но историки, вместо досок употребив книги, а вместо красок — цветность слов, делают память минувшего еще прочнее и тверже, потому что искусство живописца сглаживается временем. Для этого все, что осталось не внесенным в историю Церкви, и я постараюсь описать: ибо равнодушные к славе дел знаменитых и забвение сказаний полезнейших почитаю преступным». Написание истории он полагал **духовным долгом и подвигом**.

Христианский Запад со времен Возрождения возвращается к античному пониманию истории. Однако уже с конца XVII века с возникновением в Европе науки в современном понимании формируется представление о мировом **историческом процессе**, имеющем свои четкие и неизменные законы. Впервые об этом заговорили французский католический епископ Ж.-Б. Боссюэ («Рассуждение о всемирной истории», 1681) и итальянский ученый Дж. Вико («Основание новой науки об общей природе наций», 1725): для первого законы истории были

божественным установлением подобно законам природы, для второго они были связаны с этическими нормами. Так или иначе, впервые стало возможно говорить о «смысле истории» и пытаться вывести его на манер математической формулы. Теперь история стала пониматься рационально — а человек стал ее заложником, винтиком грандиозного механизма. Век Просвещения внес тут свои коррективы: на историю стали смотреть как на **саморазвивающийся** процесс. Агностик Г.-Э. Лессинг («Воспитание рода человеческого», 1780) заговорил об историческом прогрессе и стадиях религиозно-общественного развития (под ними он понимал язычество, иудаизм и христианство). Первым об истории как всеобъемлющем процессе, в котором участвует все человечество, сказал пан-

теист И.-Г. Гердер («Идеи к философии истории человечества», 1784-1791). Последовавшие Наполеоновские войны, казалось бы, подтверждали такой тезис. Еще одним неизбежным выводом из такого представления была сформулированная в виде вопроса мысль пантеиста Ж.-А. Кондорсе («Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума», 1794): «Если человек может, с почти полной уверенностью, предсказать явления, законы которых он знает, если даже тогда, когда они ему неизвестны, он может, на основании опыта прошедшего, предвидеть с большой вероятностью события будущего, то зачем считать химерическим предприятием желание начертать с некоторой правдоподобностью картину будущих судеб человеческого рода по результатам его истории?» Историческая наука уже начинала превращаться в идеологию и предсказывать счастливое будущее. Правда, сам Кондорсе в период написания своего труда сидел в якобинской тюрьме в ожидании гильотины.

После Г.В.Ф. Гегеля, наиболее четко сформулировавшего идею единого исторического процесса, «философия исто-

Фуксиди

рии», ставшая фундаментом политической идеологии, расцвела пышным цветом. Она понималась как в материалистическом «формационном» ключе (К. Маркс, Ф. Бродель), так и в идеалистическом «цивилизационном» (Н. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби). Обычно первая модель бралась на вооружение левыми (социалистами и либералами), а вторая – правыми. Позднее была сформулирована либеральная «анти-философия» истории (К. Поппер), вообще отрицавшая в истории всякий смысл и ставившая во главу угла технический прогресс. Круг развития европейской мысли замкнулся, а человек в нагромождении «законов» и вихре «процессов» окончательно потерялся. Историки, вдохновленные философами, а потом испытавшие некоторое разочарование от обилия беспочвенных схем, уходили в «чистую науку» – в изучение

мелких сюжетов (так называемая микроистория) или отдельных текстов (постмодернизм).

Пожалуй, наиболее глубокая критика «философии истории» принадлежит выдающемуся богослову XX века протоиерею Георгию Флоровскому. Именно отождествление истории с природой, по его мнению, стало отправной точкой европейского утопизма. Отец Георгий принципиально противопоставил идею исторического прогресса и **человеческую ответственность за историю**, некий безликий «космический процесс» и личное «нравственное творчество». История понимается как «тайна спасения и трагедия греха», другого смысла у нее нет. Историк причастен к этой дилемме, поскольку его труд должен быть свидетельством о ней. Провозглашая «возврат к отцам» в богословии, отец

Георгий был верен им и в своем представлении об истории и задачах историка. Вслед за Моисеем богословы и V, и XX века говорили об истории как о событии, в центре которого – общение Бога и человека, подвиг и спасение. Таким образом, человеческая история поднимается над законами природы, выходит за пределы свойственной ей цикличности и сугубой подчиненности обстоятельствам, придает каждому человеческому поступку статус неповторимого и безусловно значимого. «Если же вы духом водитесь, то вы не под законом» (Гал. 5; 18). В таком понимании человеческая история не может быть просчитана, уложена в математическую формулу, но только в таком понимании она и обретает свой подлинный сотериологический смысл.

*Федор Гайда
Православие.Ру*

ОТ БОГООБОРСТВА К ВОДОЛЮБИЮ

Демонизм и оккультные увлечения похожи, напомним, на духовную эпидемию, которая, как чума, охватила мир. Мы должны бороться с демонической силой, но при этом сохранять сострадание к обманутым сатаной людям.

Кстати заметить, у тех, кто пришел к Православию после увлечения восточными религиями и оккультными учениями, а особенно у тех, кто практически занимался восточно-оккультными психофизическими упражнениями, остается в душе долго не заживающая рана, которая крайне болезненно дает знать о себе в области мистики и молитвы.

Оккультизм – демонообщение, во время которого происходит не фиксируемый самим человеком процесс демоноуподобления. Впрочем, в

черной магии это демоноуподобление уже не скрывает себя; оно является содержанием и целью ритуалов: всех этих мантр, заклятий и призывов темных духов. Если рассмотреть историю падения сатаны как клиническую картину, то становится очевидным, что сатана – это первый душевнобольной, одержимый манией величия, первый визионер и параноик, который в своем больном воображении представил себя вторым Божеством. Гордость повлекла за собой потерю любви. Демон – дух, incapable вместить в себя луч

любви, хотя бы такой тонкий, как луч, идущий от звезды, дух, incapable вместить в себя и каплю смирения, хотя бы такую малую, как утренняя росинка на листке цветка. Характерно, что душевнобольной находится в состоянии аутизма (погружения в себя), он не в состоянии любить других людей, он в постоянной тревоге, в постоянных фобиях, но даже когда он дрожит от страха, то не способен смирить себя. Душевнобольной теряет свою собственную личность, он надевает на себя выдуманную личину, с которой отождествляет себя. Чаше

всего это маска какого-нибудь великого человека. Душевнобольной создает мир иллюзий (мир болезни), бежит в этот мир и живет в нем. Подобное чувство испытывает и оккультист. Он становится жесток и холоден к своим ближним, его душа в постоянной тревоге, он думает о себе как о ком-то великом, он живет в ирреальном мире, созданном собственным воображением. Уподобление демону проявляется как паралич сердца. Центр жизни оккультиста переходит из сердца в область страстей – в периферию сердца.

Апостол Павел пишет о демонах как о духах поднебесных (см.: Еф. 6; 12). Они находятся не на небе, а в некоей области под небом. Так наши страсти находятся не в нашем сердце, а в области около сердца и действуют на него как бы извне. Со страстями соединен рассудок, наполненный мечтами, грезами и картинками самого цветистого воображения. Впрочем, кроме самого человека здесь действует и невидимый «живописец» – диавол. Отсутствие любви и смирения – это признак душевной болезни. Переход из оккультизма в Православие требует следующего: реанимации человеческого сердца, возрождения двух движущих сил души – любви и смирения, осознания собственной личности.

В оккультизме Бог как Личность отсутствует. Это – пустая абстракция, а в некоторых случаях просто символ космической энергии. Оккультизм имеет дело с духами, а не с Богом. У оккультистов пропадает чувство живой личности, для них человек – предмет пользования, а демон – инструмент для осуществления своих страстей. Практическую мораль оккультистов можно охарактеризовать термином *инструментализм*. Их мантры и заклинания, упражнения и ритуалы похожи на работу со сложным компьютером; слова и ритуалы – это рычаги и системы связи компьютера. Поэтому оккультные инициации часто заключаются в открытии неопиту неких магических имен.

Переход из оккультизма в Православие в этой плоскости должен знаменовать собой переход от инст-

рументализма к личностному общению – к персонализму, общению с конкретными личностями. Разорвать порочный круг страстей, переместить ум из области рассудка в сердце, оживотворить и согреть лед своего сердца любовью – должно стать задачей такого человека. Заклятие – это императив, повеление. Медитация – это беседа с собой, это созерцание определенной идеи или предмета. Для оккультиста молитва – это вид словесной энергии, или трансформация энергии собственной души в слова молитвы, или действие через энергию, заключенную в самих словах и именах. Поэтому оккультист по инерции отождествляет действие молитвы с самой молитвой, а себя – с энергетическим генератором. Он ожидает ответа не от Бога, а от самой молитвы, ответа как ее следствия, как реализации заключенных в молитве потенциальных сил. Молитва – это мольба, то есть благоговейная просьба, а оккультист никого ни о чем не просит. Он забывает о самом главном, что обращает ее к Богу как Живой Личности; для оккультиста молитва не диалог, а монолог.

Оккультизм в какой-то степени связан с пантеистическим мировоззрением – одушевлением сил природы и обожествлением космоса. Мистика пантеизма – это мистика слияния с «духом» космоса – состояние, называемое в индуизме «самадхи», или мистика достижения нирваны (пустоты, небытия – как истинного состояния бытия) в буддизме; это мистика упрощения, то есть освобождения души от слов, представлений, чувств, эмоций и так далее для погружения в бесформенную пустоту. А так как бывший оккультист, смешивая молитву с медитацией, стремится к этому упрощению для освобождения души от ее содержания, то он питает какую-то скрытую неприязнь к общественному богослужению, старается не приходить в храм, когда там праздничная служба и много народа, а предпочитает молиться один в своем доме; там ему легче погружаться в подобное со-

стояние. Вообще **оккультист чувствует себя во время литургической службы плохо**. Он объясняет это шумом в церкви, давкой, неумением людей вести себя в храме. Но на самом деле здесь более глубокая причина: стремление темных сил оторвать человека в мистическом плане от храма, от места, где небо соединено с землей. Оккультист привык рассчитывать только на себя и надеяться только на свои силы, поэтому он одинок в храме. В Церкви он ищет не благодати Божией, а какой-то «космической энергии». Это не общение с Богом, а как бы включение себя, вроде прибора, в электрическую сеть. Оккультист редко приходит в церковь до службы, а чаще всего он опаздывает на Литургию и уходит раньше, не дождавшись ее конца. Следует отметить, что мистика католиков включает в себя элементы медитации. Поэтому некоторые исследователи находили сходство между католической мистикой и йогой. Католики редко скажут: «Я молюсь в храме», скорее: «Я медитирую». Характерно, что скамьи, находящиеся в костелах, предназначены больше не для молитвы, а для размышления, для медитации.

Бывший оккультист должен научиться тому, что делает каждый ребенок: просить; научиться просить у Бога – вечного и временного для себя и для других; чувствовать Бога, как ребенок чувствует своего отца, доверять Ему, а не собственным силам.

Хотя оккультизм не отрицает ценности земного бытия, но он отрицает в качестве цели бытия общение с Божеством; для оккультизма нет Бога как объекта молитвы, оккультизм имеет дело с космическими духами (а на самом деле с демонами); он хочет влиять на мир словами и магическими ритуалами.

Демон имеет индивидуальность, но личность в нем стерта. Молитва оккультиста носит характер императива – повеления; это – агрессия в мире агрессоров с целью заставить их служить оккультисту посредством магических знаков и таинственных имен (как паролей и талисманов). Это

– общение с демоном через уподобление ему, вот почему у оккультистов до чудовищных размеров развивается гордость.

После перехода в Православие оккультисту, привыкшему к монологу, трудно почувствовать Бога как Живую Личность. Сатана – холоден; сердце у оккультиста также холодно, там нет любви, хотя душа сектанта постоянно обуреваема страстями (страсть – это пламя, которое жжет, но не согревает). Молитва оккультиста также обращена по инерции к некой безликой силе, поэтому ему нужен особый контроль над собой. Он ищет способы к молитве, но забывает о главном: что **молитва есть плод смирения и любви.**

Всем этим людям крайне необходим духовный руководитель, как тяжелобольному нужен врач. Смирение с покаянием рождает любовь; только любовь может согреть и оживотворить заблудшее сердце. Смирение начинается с послушания, а послушание – с осознания того, что человек своими собственными ограниченными (изъеденными страстями, как дерево древооточцем) силами не может бороться с грехом, живущим в нем. Духовный тупик, в котором оказался оккультист (или последователь восточных религий), подобен, как ни странно, перекрестку двух дорог, где решается дальнейшее направление жизни оккультиста.

Либо оккультист думает, что у него достаточно внутренних возможностей, чтобы самому преодолеть этот тупик, что его состояние – это результат допущенных ошибок и внешних препон. Но если он решается сам исправить свою жизнь, сам выйти из лабиринта демонического мира, в котором оказалась его душа, то в результате несчастный делает еще один круг

и приходит к тому же тупику.

Либо оккультист понимает, что грех – это демонически активная сила, которая живет в его душе (и требуется непрерывная борьба с грехом, со всеми его многообразными проявлениями); он понимает, что находится в окружении демонических существ – врагов беспощадных

Оккультист может настолько хорошо изучить духовную литературу, в том числе аскетику, что иногда будет знать о внутренней жизни не хуже святых отцов и даже сможет рассказывать об этом другим, но без духовного отца этот несчастный будет подобен хирургу, который, зная анатомию человека, не может тем

не менее провести операцию на своем собственном теле. Только послушание, как высшая жертва, может сделать оккультного боготворца новым боголюбцем.

Людям, перешедшим из оккультизма в христианство, не следует увлекаться богословием, ибо и здесь тайная гордость ума может получить себе пищу. Им надо начать с исполнения заповедей: если можно так сказать, с практического христианства, чтобы реанимировать свое сердце; как мы уже отмечали, им надо перенести центр религиозной жизни из головы в сердце. Они должны научиться уважать любого человека как богоподобную личность, отказавшись и от интеллектуального элитаризма, и от горделивого противопоставления себя, как якобы просвещенных в духовной жизни («пневматиков»), – окружающим людям, сплошь профанам (невеждам). Они должны научиться, наконец, не просто читать молитвы, а просить милости у Бога, – научиться делать то, что так трудно их гордому уму.

Переход в Православие из пантеизма – это переход от космофилии к теофилии, от безликой «космической силы» и духов-посредников – этих актеров в масках – к личному общению с Личным Богом, Который есть Жизнь, Истина и Любовь.

Архимандрит
Рафаил (Карелин)

ДЕТСКАЯ МОЛИТВА

*Вечером в лампадке огонек горел
И Хранитель-Ангел на дитя смотрел.
Детская молитва – в ней слова просты,
Сказаны от сердца, светлы и чисты.
«Господи, помилуй, маму сохрани,
Помогай всем людям – добрые они!
Бабушке здоровья дай на много дней,
Чтобы завтра утром в храм пошли мы с ней!
Помоги мне, Боже, чаще в Храм ходить:
Мне там так приятно, так отрадно быть!»
Так молилась крошка на ночь, как всегда,
И сияла в небе ранняя звезда.*

Стихотворение Евгении Красновой

и коварных, более опытных, чем он; понимает, что в его душе живут страсти, которые он любит и с которыми в тайне сердца не хочет расстаться. И тогда оккультист начинает искать помощи, а именно помощи Божией через послушание духовному отцу, через отсечение своей непокорной воли, которая стоит, как стена, между ним и Богом.

СЕКТАНТСТВО. ПРОБЛЕМА ВНУТРЕННЯЯ ИЛИ ВНЕШНЯЯ?

Речь о том, что в современном российском обществе существует огромное количество нерешенных проблем, по меньшей мере, банальна: решающее значение приобретает *отношение* к ним современника, причем его специфическая сторона.

Речь идет не о проявлении согласия или несогласия, не об эмоциональном выражении чувств и ощущений относительно того или иного явления — *изъявительном аспекте*. Вопрос ставится гораздо серьезнее и упирается в *деятельностную составляющую* отношения к наличествующим сегодня трудностям.

Передать его значение, содержательную и эмоциональную характеристику удобнее всего следующим вопросом: «В чем причина, когда и, самое главное, как возникает и воплощается в реальность деятельностное преодоление человеком отмеченных его сознанием фактов неблагополучия в стране или *хотя бы* в собственном ареале?»

Как ни пессимистично может это прозвучать, но сегодня приходится констатировать как данность то, что для современника катализатором активности выступает факт непосредственного соприкосновения с обстоятельствами, нарушающими его привычный (банальный) ход и течение жизни: как только находится точка соприкосновения (жизненные коллизии), как правило, оказывающая на обывателя негативное воздействие, возрастает степень его активности, причем прямо пропорционально величине пережитого им негатива и страдания, якобы внезапно обрушившихся на него.

Одним из таких латентно протекающих, но при этом чрезвычайно важных вызовов является распространение сектантских идей, движе-

ний и школ.

Ярким доказательством и одновременно показательным примером стала пока еще сохраняющаяся в памяти драма с пещерозатворниками в Пензенской области.

Необходимо напомнить, что тогда 35 человек укрылись в заранее оборудованном подземном убежище в районе села Никольское Бековского района Пензенской области. Они решили оставаться там до тех пор (май 2008 года), пока, по их мнению, не наступит конец света. Люди угрожали сжечь себя, если их попытаются насильно достать из-под земли. В конечном итоге 24 затворника, в том числе четверо детей, в конце марта и начале апреля 2008 года покинули пещеру.

Ситуация благополучно разрешилась, однако внимание СМИ, а значит, и общества, к происшествию отразило и засвидетельствовало реальное положение дел в российском социуме: религиозно-духовная тема крайне актуальна, однако и сегодня она не всегда находит адекватные (с точки зрения физического и духовного здоровья) пути и способы удовлетворения, чем, в свою очередь, пользуются деструктивные идеологи и организации, ставящие перед собой вполне материальные цели и задачи, невзирая на страдания обрабатываемой аудитории. Кроме того, она весьма ярко доказала то, что активность членов общества (населения, власти, спецслужб) начинается тогда, когда проблема *уже*

вступила в финальную стадию кризиса, что свидетельствует о недостаточности внимания к ней на зачаточных этапах ее зарождения и созревания.

Выбранная тема обсуждения, безусловно, сопрягается с реалиями духовно-религиозного уровня, без учета которых *абсолютно* невозможно фундаментальное постижение сути явления, причем вне конфессиональной соотнесенности доктринального ядра. Однако целью настоящей статьи является отвлеченная от глубин

М.С. Фомин

богословия попытка осмысления причин индифферентного отношения современника к рассматриваемой проблеме, удивительным образом (трудно подобрать другое словосочетание) сочетающегося с активной позицией противостояния и негативного отношения к каким бы то ни было попыткам изучения (естественно порождающим критику) темы в целом.

Прежде всего необходимо сформулировать собственное рабочее определение рассматриваемого явления. Как представляется автору, сектантство есть воспринятая человеком система определенных взглядов и ценностей, занявшая в его сознании доминирующее положение, ставшая, таким образом, императивом в выработке нового смысла жизни или корректировке имеющегося. Отличительной чертой подобной системы мировоззрения является крайняя абсолютизация, алогичность и иррациональность, проверяемые относительно собственного же жизненного опыта, опыта жизни

общества, нации, человечества. Отмеченное ранее противоречие в полной мере относится и к затронутой проблеме.

С одной стороны, многие люди знают о существовании такого явления как сектантство: слышали о негативном влиянии на психическое здоровье человека, встречались с критикой данного явления, в целом настороженно относятся к нему и, в принципе, готовы участвовать в кампаниях по противодействию распространению его отрицательного воздействия. Однако последнее становится возможным только тогда, когда человеку пришлось столкнуться с проблемой лицом к лицу: лично, через родственников, друзей или знакомых. Это, в свою очередь, происходит вследствие недостатка знаний, обретение которых не оказывается в числе актуальных задач повседневности. Таким образом, круг замыкается и в результате человек стремится переложить груз ответственности на кого-то со стороны, как правило, общественные или государственные институты.

С другой стороны имеется достаточно много людей, которые осознают сложность, многогранность рассматриваемой проблемы, но которые занимают крайне скептически-индифферентную позицию. Она порождается не столько холодной осведомленностью, обязательно присущей им, сколько *осозанным* стремлением самоустранения от разрешения важных общественных вопросов. Мотив и аргументация в данном случае – понятие «свободы человека»: индивид волен делать все, что пожелает, следовательно, ему не должно мешать. На первый взгляд данная позиция выглядит убедительно, однако при более глубоком рассмотрении выявляется ее несостоятельность: достаточно вспомнить о системе права, например, его уголовной ветви.

Кроме того, существуют собственно сектантские системы и школы, ведущие активную прозелитическую деятельность, стремящиеся к расширению сфер собственного

влияния (экономико-политического прежде всего), и общественные объединения, стремящиеся нивелировать, приостановить процесс *порабощения* сознания широких масс населения. Обыкновенно это представители христианской церкви, рассматривающие свою деятельность *не в поюсторонней* (экономико-политической) перспективе, и те люди, которые на опыте собственной жизни ощутили леденящую пропасть *неметафорической* гибели.

Таким образом, две первые – наибольшие группы населения – предстают «полем боя» для двух вторых – наименьших групп. Кроме того, первые являются потенциалом количественного роста вторых, однако это не означает, что они являются инертной массой, вектор направления которой определяется извне, без учета ее собственной воли. И именно это актуализирует ранее обозначенную проблему – деятельностную составляющую жизни человека в рассматриваемой проблеме. Возникает естественный вопрос: в чем состоит деятельностная позиция, призванная дополнить изывательную?

Отвечая на поставленный вопрос, следует подчеркнуть, что речь идет не о внешней стороне активности людей, проявляющейся в форме различных пикетов и шествий, но о серьезной внутренней мыслительной (рефлексия) работе человека, находящей отражение и реализацию в форме внешних действий и поступков.

Исходя из того, что сектантство сопрягается с мировоззренческой системой, деятельностный аспект заключается в постижении алгоритма ее становления, особенностей и закономерностей смыслоопределения, что, безусловно, является гораздо более сложным актом по сравнению с массовым шествием или акцией протеста. Следует отметить, что массовые явления необходимы и целесообразны для привлечения внимания

общественности, однако факт кратковременной концентрации внимания обывателя еще не гарантирует того, что в его сознании произойдет определенный сдвиг в запланированном организаторами направлении, о котором он может даже не догадываться.

Именно это и происходит в современной России. Время от времени рассматриваемая проблематика актуализируется СМИ или отдельными инициативными группами. Однако кардинального пересмотра проблемы, к сожалению, не происходит. В лучшем случае возникают сопереживательные отзывы типа: «А, это опять об этих беднягах» или: «Ну, это просто слабые личности, меня это никак не коснется». Сказанное более характерно для первой группы. Что касается второй – скептически-индифферентной – то ситуация гораздо сложнее. Занимаемая ими позиция используется силами, ориентирующимися на материальную власть и психологическое доминирование над обывателями, так как (и это отмечалось ранее) в развиваемой скептиками полемике, являющейся уже деятельностью, определяемой мировоззренческой системой, ими используются яркие, но несостоятельные образы и приемы: декларируемая свобода и независимость оборачиваются сектантским порабощением. Однако следует подчеркнуть, что сами скептики не застрахованы от влияния и порабощения идеями сектантских школ и течений: индифферент-скептик может презрительно-снисходительно относиться, скажем, к неопятидесятникам или иеговистам, но быть при этом увлеченным адептом астрологии или, к примеру, кармических верований. В таком случае человек волей-неволей становится катализатором властно-подчинительных веяний и процессов.

В свете сказанного возникает встречный вопрос: каким образом можно побудить человека к действительно деятельностному пересмотру своей позиции, чтобы, с

одной стороны, исключить возможность слепого следования тенденциям, а с другой стороны, не стать проводником скрытых смыслов?

Для этого, как представляется, необходимо возведение проблемы в предел, сопрягаемое с *предвзятым* (то есть без прикрас и в перспективе) отношением к самому себе. Предельной перспективой всегда выступает более ранний или более поздний исход жизни человека. В таком ключе вопрос должен ставиться о том, как может и должен распорядиться человек имеющимся у него весьма кратким отрезком времени: на что его потратить и с чем связать.

Безусловно, философское отношение и понимание проблемы гораздо сложнее профанного подхода, когда предельная категория (смерть) представляется предметом шуток и спекуляций. Ярким примером является популярная сегодня готическая субкультура: легко переодеться и загримироваться в полуистлевший труп и при этом весело «зажигать» на вечеринке и колоссально сложно (практически невозможно) представить на смерт-

ном одре, не говоря уже о самом факте наступления биологической смерти, своего знакомого, не говоря о близких людях.

Как ни странно, но проблема сектантства при ее холодно-взвешенном восприятии обязательно приводит к необходимости учета предельных категорий бытия: мировоззренческий хаос и, как следствие, проблема смыслоопределения приводят к серьезным психическим расстройствам, а также суицидальному поведению. Оба обстоятельства выводят человека, причем конкретного, а не абстрактного человека, из социальной обоймы, а, следовательно, общество лишается своих активных экономико-политических, идейно-духовных носителей, что оборачивается экономико-политическим кризисом, депопуляцией и вырождением этноса.

Под предвзятым отношением следует понимать действительно объективное рассмотрение самого себя: отказ и искоренение горделиво-оправдательных аргументов собственной «хорошести», примером которой может выступить

или пренебрежительное отношение к людям, подвергшимся сектантскому воздействию, или убежденность в собственной неподверженности влиянию извне и способности противостоять (причем далеко не методологически) атакам сект.

Таким образом, деятельностный аспект в отношении сектантского вопроса, с одной стороны, заключается и для профанов, и для сектоскептиков в сосредоточении внимания на самом себе, однако, не в гипертрофированной форме, состоящем в постижении собственных слабых мест и приобретении навыков их действенного нивелирования.

С другой стороны, он состоит в расширении ареала серьезного общения: с друзьями, знакомыми, родственниками или коллегами. Речь идет о здоровом обращении к фундаментальным вопросам и проблемам жизни, целенаправленно и самостоятельно генерируемым человеком, несмотря на многочисленные соблазны отстранения от них и принятия позиции легкой и беспечной жизни.

*К.п.н. М.С. Фомин
г. Новосибирск*

ЕСЛИ ТВОЙ ДРУГ ЗАГОВОРИЛ О САМОУБИЙСТВЕ...

Допустим, ваш друг или близкий, находящийся в трудной ситуации, вдруг озадачивает вас необычным заявлением или жестом. Скажем, он ни с того ни с сего говорит: «Скоро, очень скоро тебе уже не придется обо мне волноваться», – или торжественно, как перед долгой разлукой, прощается с вами. В вашу голову закрадывается черная мысль: не решил ли он покончить жизнь самоубийством? Что тут можно и нужно делать? Опытный психолог, несколько лет отработавший на телефоне доверия, дает несколько практических советов.

Я прекрасно понимаю, что писать на эту сложную и, увы, отнюдь не теоретическую тему – это большая ответственность, и мне хочется сделать оговорку или предупреждение для читателя: я не смогу дать ответ с рецептами, как себя вести. Я сам буду мучиться сомнениями в подобной невыносимой ситуации, которая без спросу накладывает на тебя неподъемное бремя ответственности. Но одна вещь для меня совершенно очевидна: что надо сделать сразу – тот первый шаг, от которого зависит все остальное. Это убеждение во мне поддерживают и опыт работы на телефоне до-

верия, и обычный опыт жизни среди людей, и мнения специалистов.

РАСПРОСТРАНЕННЫЕ МИФЫ О САМОУБИЙСТВЕ

Если человек говорит о самоубийстве, он его не совершает.

Нет, большинство людей, совершивших самоубийство, давали знать о своем состоянии кому-то из окружающих.

Себя убивают только люди с серьезными психическими нарушениями.

Лишь около 10% самоубийц страдают психозами и бредом.

Если человек намерен лишить себя жизни, его уже никто не остановит.

Нет, это опровергает сам факт того, что этот человек еще жив и может об этом говорить; большинство самоубийц двойственны в своем решении.

Когда человек говорит о желании совершить самоубийство, он тем самым просто привлекает к себе внимание.

Возможно, он действительно хочет привлечь внимание к своей проблеме, но это не значит, что можно не опасаться за его жизнь.

После неудачной попытки самоубийства человек уже не склонен лишать себя жизни. Факты говорят о том,

что такие люди совершают повторные попытки самоубийства, так что суицидальный риск с каждой неудачной попыткой возрастает.

Умелый подход позволит предотвратить трагедию самоубийства в любом случае.

убийств.

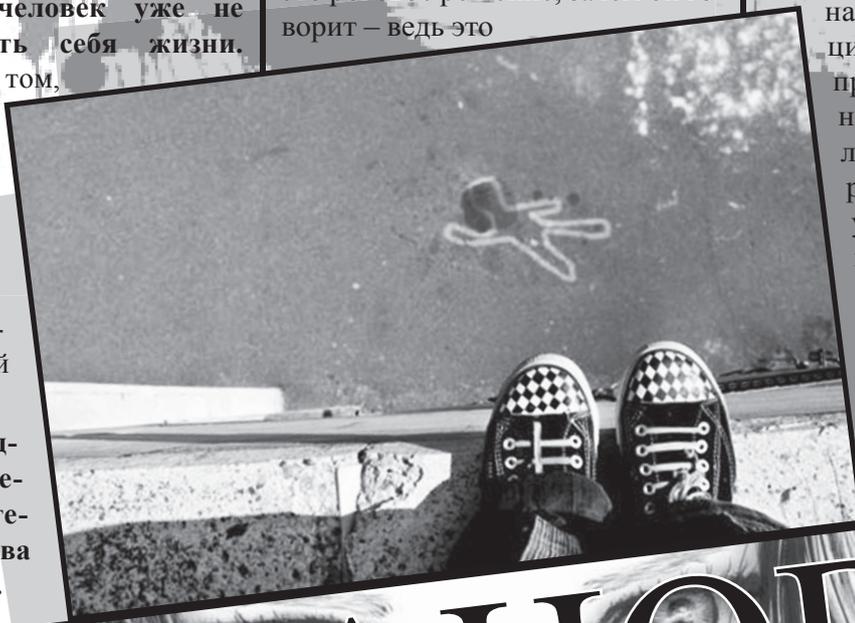
Хотя помощь специалиста иногда крайне ценна или даже незаменима, часто тут спасает жизнь именно «первая помощь» во время суицидального кризиса, признаки которого, естественно, раньше всех замечают друзья и близкие.

Сомнения

Подобные ситуации могут вызывать недоумение. Могу ли я помочь человеку, который сознательно решил уйти из жизни? В конце концов, я не в силах всю жизнь держать его за руки! А если он действительно принял это роковое решение, зачем он говорит – ведь это

самоубийца уже не хотел умирать, но было уже поздно. Простая схема «свободы воли» тут не работает: большинство самоубийц амбивалентно. Мы видим конфликт двух желаний: желания себя уничтожить и желания, чтобы тебя остановили. И когда мы мешаем такому человеку умереть, это не чистое насилие, но сотрудничество со вторым желанием.

Но как тут может помочь неспециалист? Наука находит великое множество причин самоубийства, и тут было бы неуместно их перечислять. Для нас важно знать о самой распространенной: это не острый психоз или строго рациональное решение, но ситуация кризиса плюс склонность причинять себе вред. Обычно это потеря, с которой человек не в силах справиться: разрыв отношений, неудачи, унижение, потеря самоуважения – и порой постороннему наблюдателю такой повод к самоубийству может показаться слишком мелким. И в ситуации кризиса простое человеческое участие

ОСТАНОВИ!

К сожалению, это не так.

Разговор о самоубийстве может внушить собеседнику мысль наложить на себя руки.

Нет, это единственная помощь при реальной угрозе самоубийства, а с идеей о такой смерти любой современный человек постоянно сталкивается в СМИ, литературе и кино.

Только специалисты должны заниматься профилактикой само-

только помешает ему осуществить свой план? Может быть, мой друг просто ищет сочувствия и жалости к себе, и не стоит принимать его намеки слишком серьезно? Тут все не так просто. Меня в свое время очень впечатлила одна невыдуманная история: некий человек совершал попытки самоубийства – последняя оказалась успешной, но умирал он медленно, в больнице, где врачи уже ничего не могли поделать. И вот перед смертью этот опытный

чаще всего реально помогает. Разумеется, тут не следует обольщаться относительно наших возможностей – это временная помощь, поскольку, если с человеком не произойдет глубокой перемены, при очередном кризисе он скорее всего снова задумается о самоубийстве. Но спасти от необратимого решения в данный момент – это уже дорого стоит.

ПРЯМОТА СПАСАЕТ ЖИЗНЬ

Итак, человек, думающий о самоубийстве, чаще всего сообщает – косвенно, намеком – об этом кому-

то из окружающих. Как показывают исследования, более 75% людей, совершивших самоубийство, пытались сообщить кому-то о своем глубоком отчаянии в течение нескольких последних недель до смерти. Обычно они говорят об этом непрямо – и смотрят на реакцию собеседника. Так, человек, терзаемый мыслью о смерти, может, например, сказать: «Скоро все эти мучения кончатся»; «Я собираюсь в далекое путешествие»; «Я усну и больше не проснусь»; «Как ты думаешь, наказывает ли Бог самоубийц?» Или он почему-то торжественно с вами прощается, или раздает деньги и самые любимые вещи. Обычно мы этим смущены и озадачены – то есть способны заподозрить близость самодельной смерти. Как правило, это вызывает в нас страх: принять подобные заявления всерьез – значит взвалить на себя невыносимое бремя ответственности. Мы против воли попадаем в неприятную историю – как одинокий прохожий, случайно наткнувшийся на лежащего на улице человека. Естественно, нам хочется убежать от этой страшной реальности. И критически важно, как мы тут себя поведем.

Важнейший тезис этой статьи звучит предельно просто – но, к сожалению, он не для всех прост на практике. Если я слышу намек на самоубийство – я обязан сразу же со всей возможной прямоотой об этом поговорить. Другими словами, мне надо совершенно всерьез отнестись к сказанному и задавать прямые вопросы: «Мне показалось, что ты думаешь о самоубийстве? Это так? Как ты это собираешься сделать?» – и так далее.

У многих людей в такой ситуации возникает желание замять неприятную тему. В самом деле, не навредит ли тут мой прямой вопрос, не подаст ли собеседнику ужасную идею лишиться себя жизни? Нет, на самом деле мое молчание или бегство от откровенного разговора навредит куда больше. Когда я прямо говорю о самоубийстве, мой собеседник, который ранее в мучительном оди-

ночестве думал об этом, чувствует огромное облегчение. Потому что он видит, что его принимают всерьез, о нем заботятся. И уже не удивительно то, что на прямой вопрос ты почти всегда слышишь прямые и честные ответы.

Если собеседник признает, что носит в себе мысль о смерти, необходимо пойти дальше. Нужно спросить, когда и каким образом он собирается лишиться себя жизни – только так я могу понять, насколько ситуация рискованна, – и продолжать общение на эту тему.

Прямота тут жизненно важна. Повторю свой главный тезис от обратного. Что произойдет, если я, услышав намек, убегаю от прямого разговора? Если я испуганно замолчу, или переведу разговор на погоду и политику, или скажу: «Брось думать о ерунде, посмотри вокруг: светит солнышко, люди тебя любят, жизнь увлекательна», или: «Тебе просто надо найти работу, не пить, больше гулять», или: «Нет, ты не совершишь столь великий грех»? Собеседник увидит, что дверь общения захлопнулась, разговор невозможен. Быть может, этим окончится его последняя попытка поговорить о том, что его терзает, и в любом случае мы оставляем ему меньше шансов.

Прямота тут необходима, и никакого иного выхода у нас в такой ситуации просто не остается. После периода работы на телефоне доверия у меня образовалась привычка сразу задавать прямые вопросы, как только у меня возникает малейшая тень суицидального подозрения. Чаще всего выясняется, что я ошибаюсь, – это не страшно, мы можем вместе с другом посмеяться над моей бдительностью. Иногда это ведет к серьезным разговорам. И ни разу я не пожалел о том, что задавал прямые и не слишком вежливые вопросы.

ЧТО ДАЛЕЕ?

Что можно сделать далее? Тут нет готовых рецептов, поскольку

каждая ситуация уникальна, как уникальны и ваши возможности и способности. Тем не менее все, что мы можем делать дальше, основано на первом шаге – прямом разговоре. Он позволяет оценить опасность ситуации. Если у человека есть четкий план и средства его осуществления доступны – риск высок. Скажем, если он говорит: «Я уже накопил 40 таблеток снотворного и приму их в выходные, когда родители уедут на дачу», – риск «удачного» самоубийства высок. Если же на вопрос «Как ты это собираешься сделать?» собеседник отвечает: «Ну, найду работу, соберу денег, поеду в Гималаи и там кинусь в пропасть», – у нас меньше поводов беспокоиться за ближайшее будущее. Риск также выше в том случае, если человек совершал попытки самоубийства в прошлом. Если риск высок, не стоит оставлять друга одного и нужно, если это возможно, перекрыть доступ к средствам смерти.

И разумеется, тут вам самому понадобится помощь – можно обратиться к тому же телефону доверия или поговорить с психологом, со священником, с мудрым человеком. Хорошо, если ваш друг на вопрос «Можешь ли ты поговорить об этом еще с кем-то?» ответит согласием. Если же он этого не хочет, иногда стоит применять непопулярные меры: известить о ситуации кого-то без согласия друга. Посему никогда не следует давать ему обещания «никому больше об этом не говорить». Друг может на вас рассердиться, но это не самое страшное.

И наконец, стоит знать правду, которая избавляет нас от иллюзии всемогущества: хотя чаще всего мы можем помочь, есть случаи, когда ничего не может сделать самый опытный или самый любящий человек и необратимая беда происходит. Но, похоже, когда мы сталкиваемся с потенциальным самоубийцей, у нас просто нет выбора: нам следует бороться за жизнь и можно это делать только с помощью прямооты.

Михаил Завалов

Сотрудничество Церкви, государства и общества

18 октября 2011 года в конференц-зале гостиничного комплекса «Даниловский» в Москве прошла конференция

«Участие государственных, общественных и религиозных организаций в профилактике ВИЧ/СПИДа и наркозависимости»

Мероприятие посвящено подведению итогов проекта «Поддержка инициатив религиозных организаций по противодействию эпидемии ВИЧ/СПИДа и паллиативному уходу в Российской Федерации», который осуществлялся Русской Православной Церковью и Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека при поддержке Агентства США по международному развитию и Программы развития ООН. В конференции приняли участие представители государственных, общественных, международных и религиозных организаций из 20 регионов России.

Конференция открылась выступлением председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополита Волоколамского Илариона. В своей речи председатель ОВЦС упомянул о «Концепции участия Русской Православной

Церкви в борьбе с распространением ВИЧ/СПИДа и работе с людьми, живущими с ВИЧ/СПИДом». В основу этого документа, разработанного Синодальной богословской комиссией (ныне — Библейско-богословской комиссией), лег обобщенный опыт пастырского попечения и диаконического служения наряду с богословским, этическим и общественно-политическим

анализом. По словам митрополита Илариона, «одним из значимых результатов принятия этого документа, наряду с активизацией внутрицерковного служения попечения о людях, живущих с ВИЧ, стало развитие продуктивного сотрудничества Церкви, государства и общества в деле противодействия распространению эпидемии». Митрополит Иларион подчеркнул, что проект, итоги которого подводятся на сегодняшней конференции, наглядно продемонстрировал, насколько продуктивным для

страны может быть сотрудничество государства, общества и религиозных организаций. «Русская Православная Церковь и иные религиозные организации продемонстрировали обществу свою эффективность и значимость как партнеров в деле исполнения важнейших социальных служений», — сказал он. По мнению владыки Илариона, данный проект стал «проявлением общественного здравого смысла и серьезного государственного

Помощник руководителя Новосибирского Епархиального реабилитационного центра С.А. Булышев (слева) беседует с участниками конференции

подхода». Другим важным его аспектом стало развитие межрелигиозного взаимодействия в социально значимых сферах, которое «очевидным образом служит укреплению гражданского общества, усиливает солидарность, развивает горизонтальные связи в обществе, повышает уровень гражданского самосознания и гражданской ответственности». В заключение своего выступления митрополит Иларион пожелал участникам конференции успешной работы на благо всего общества.

Затем прозвучало приветствие председателя Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению епископа Смоленского и Вяземского Пантелеимона. «Церковь сегодня часто укоряют за то, что она вмешивается в те сферы, в которых раньше не присутствовала. Но мы занимаемся поддержкой больных ВИЧ/СПИ-

Дом не для того, чтобы навязать им свое мировоззрение и обратить их в свою веру, включив в структуру наших религиозных организаций, а потому что сочувствуем и сострадаем им, хотим явить любовь Христову, ничего не требуя и не ожидая взамен», – сказал владыка Пантелеимон. По словам председателя Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению, в последние годы были поддержаны инициативы многих религиозных организаций, общин Русской Православной Церкви и сестричеств по противодействию наркомании и распространению эпидемии ВИЧ/СПИДа. Владыка Пантелеимон подчеркнул важность этого взаимодействия, осуществляемого Церковью, государственными ведомствами, российскими и международными обществен-

ными организациями.

На открытии конференции выступил начальник Отдела организации надзора за ВИЧ/СПИД, вирусными гепатитами Управления эпиднадзора Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека А.Т. Голиусов. В своем докладе он привел неутешительные статистические данные, согласно которым в России происходит ежегодный прирост больных на 5-15%. Сегодня их более 660 тысяч, то есть на каждую тысячу граждан страны приходится четверо ВИЧ-инфицированных.

Далее выступил руководитель Управления государственно-антинаркотического комитета по Центральному федеральному округу Г.В. Удовиченко. Он приветствовал собравшихся от имени председателя Государственного антинаркотического комитета, директора ФСКН России

В.П. Иванова. «Церковь сегодня является активным партнером государства в решении многих важнейших социальных задач. Государственный антинаркотический комитет на протяжении ряда лет успешно взаимодействует с Русской Православной Церковью в вопросах профилактики наркозависимости и реабилитации больных наркоманией, в том числе ВИЧ-инфицированных», – отметил в своем докладе Г.В. Удовиченко. По его словам, на начало года в России действует более 40 центров реабилитации наркозависимых под патронажем Церкви. Эти центры обладают уникальным опытом возвращения в общество тяжелейших больных с зависимостью от психоактивных веществ. Эффективность ресоциализации в них составляет 85%. «Столь высокий результат достигается именно за счет того, что Церковь занимается не лече-

нием в медицинском смысле, а именно социальной реабилитацией и духовным возрождением личности», – сказал Г.В. Удовиченко. Однако выступающий отметил, что потребности российского общества в услугах по реабилитации больных наркоманией значительно превышают имеющиеся возможности государственной реабилитационной помощи. Поэтому одной из базовых задач, определенных стратегией государственной антинаркотической политики, является развитие сотрудничества с общественными объединениями и религиозными организациями, которые занимаются социальной помощью наркозависимым.

По итогам заседания Президиума Государственного совета Российской Федерации от 18 апреля 2011 года Президент Д.А. Медведев поручил орга-

низовать национальную систему медико-социальной реабилитации и ресоциализации наркозависимых лиц с привлечением негосударственных, общественных и религиозных реабилитационных центров, успешно работающих в этом направлении. В конце прошлого года партнерство государства и Церкви в этом направлении вышло на качественно новый уровень. Так, 21 декабря 2010 года председатель Государственного антинаркотического комитета, директор ФСКН России В.П. Иванов и Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл подписали соглашение, которое позволило вывести это взаимодействие на новый этап. По благословению Святейшего Патриарха Кирилла работа с наркозависимыми в Церкви получила новый высокий приоритет. Государственный антинаркотический комитет, в свою очередь, способ-

Новосибирские представители С.А. Булышев и А.Н. Лепский с епископом Смоленским и Вяземским Пантелеимоном (в центре), игуменом Мефодием (Кондратьевым) и руководителем Красноярского Епархиального реабилитационного отдела иереем Николаем Чихичиным

ствуется расширению сотрудничества между антинаркотическими комиссиями субъектов Российской Федерации и епархиями Русской Православной Церкви. «Во многих регионах представители епархий подключаются к работе антинаркотических комиссий, решаются вопросы о совместной деятельности по профилактике наркозависимости и создаются новые центры по реабилитации больных наркоманией под патронажем Церкви», — отметил Г.В. Удовиченко.

Также прозвучали приветственные речи директора Отдела здравоохранения Агентства США по международному развитию Уильяма Слейтера, руководителя офиса программы развития ООН в России Е.Д. Арманд, представителя Регионального офиса ЮНЭЙДС для стран Восточной Европы и Центральной Азии В.А. Пшеничной, представителя ВОО «Объединение людей, живущих с ВИЧ» Р.В. Ледкова.

Было предложено дальнейшее взаимодействие продолжить в формате межсекторальной рабочей группы. Рабочую группу планируется сформировать до конца текущего года. К участию в работе группы будут приглашены представители всех государственных ведомств, которых касаются проблема эпидемии ВИЧ и связанная с ней проблема немедицинского употребления наркотиков. В том числе планируется пригласить представителей Государственного антинаркотического комитета, ФСКН, Минздравсоцразвития, представителей органов социальной защиты и врачебного сообщества. Рабочая группа будет призвана реализовать предложения, вошедшие в итоговую резолюцию прошедшей конференции.

Патриархия.ru

ПРАВОСЛАВНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ

Доклад протоиерея Александра Новопашина, прочитанный на конференции «Участие государственных, общественных и религиозных организаций в профилактике ВИЧ/СПИДа и наркозависимости»

Блаженной памяти Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II часто повторял: «Церковь отделена от государства, но не от общества». Поэтому, когда общество радуется, радуется и Церковь, когда общество страждет, страждет и Церковь. Так было, так будет.

Много бед сыплется на Россию. Одна страшнее другой. Вот теперь с наркоманией не знаем, что делать. Она растет и ширится, поглощая цвет нации, будущее России — молодежь. Как противостоять столь широкомасштабному бедствию?

Жесткие полицейские меры? Да! Они эффективны. И справедливы. Вор должен сидеть в тюрьме! Но практика показывает, что на месте одной срубленной головы со временем вырастает две. Баснословные барыши, получаемые с продажи наркотиков, сводят людей, замешанных в преступном бизнесе, с ума — они уже не видят перед собой ничего, кроме денег, денег, денег!..

Наркологическая помощь? Увы! Наркологи официально признали, что в тех условиях, в которых сегодня находится наркологическая служба при отсутствии полноценной реабилитации, помочь они могут лишь пяти (плюс-минус) процентам наркозависимых! То есть от общего числа наркоманов, обратившихся к врачам-наркологам, только у этих пяти процентов можно добиться относительно длительной ремиссии. А остальные 95 срываются в течение года!..

Вот такова ситуация! Церковь, как любящая мать, не могла остаться в стороне! «Наркомания и алкоголизм становятся проявлениями духовной болезни не только отдельного человека, но всего общества», — говорится в Основах социальной концепции Русской Православной

Церкви. — Это расплата за идеологию потребительства, за культ материального преуспеяния, за бездуховность и утрату подлинных идеалов. С пастырским состраданием относись к жертвам пьянства и наркомании, Церковь предлагает им духовную поддержку в преодолении порока. Не отрицая необходимости медицинской помощи на острых стадиях наркомании, Церковь уделяет особое внимание профилактике и реабилитации, наиболее эффективных при сознательном вовлечении страждущих в евангельскую и общинную жизнь».

Иными словами, Церковь Христова предлагает страждущим от наркомании людям принять Христа и с Его помощью вырвать корень зла, который находится не в Афганистане и не в руках пожравших совесть наркодельцов, а в их собственном сердце. Вспомним слова Федора Михайловича Достоевского: «Здесь дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей».

В Новосибирской епархии Реабилитационный Центр (ЕРЦ) по работе с наркозависимыми лицами создан в мае 2004 года при соборе во имя святого благоверного князя Александра Невского и действует на территории Новосибирска и Новосибирской области. На сегодня он насчитывает пять мужских и одну женскую общину, занимающихся сельским хозяйством, а также городской адаптационный центр для прошедших реабилитацию насельников. Наша первоочередная задача — качество реабилитации, а не количество реабилитантов. Тем не менее, мы планируем увеличить количество общин.

Работа с наркозависимыми детьми, подростками и молодыми людьми на базе загородных реабилитационных общин, основанных на традициях Русской Православной Церкви — молитве и труде, позволяет обеспечить условия для духовно-нравственного возро-

ждения личности и обретения семьей и обществом полноценных граждан. Целевая группа – это дети, подростки, молодежь и взрослые, проживающие в Новосибирской и соседних областях. Конечно, в ходе реабилитационного процесса всегда возникают дополнительные организационные вопросы, требующие быстрого решения, поскольку это способствует улучшению результатов реабилитации. К примеру, сейчас мы открыли в городе центр мотивации, в котором с будущими реабилитантами некоторое время по специальным мотивационным программам работают наши православные специалисты-психологи. В частности, они выясняют степень мотивации, побудившей этих людей обратиться к нам за помощью. Этот очень важный момент! Зачем человек к нам пришел? Чтобы освободиться от греховных уз и обрести свободу во Христе, стать полноценным человеком и жить? Или же просто отсидеться, спрятаться на время, а потом, выждав момент, исчезнуть и снова приняться за старое? Есть и те, у кого мотивация присутствует, но она до конца не сформирована, находится в зачаточном состоянии, и наша задача сделать так, чтобы она проявила себя в более или менее полной форме. Люди мотивированные относительно легко входят в реабилитационный процесс, с ними и работать легче, они своим примером помогают другим членам общины, морально их поддерживают.

Православная реабилитация – это прежде всего духовное возрождение человека. По своей сути это универсальное понятие. В православной реабилитации нуждается все наше общество, до конца не утратившее духовные и национальные корни и пока еще более или менее ассоциирующее себя с христианством. Православная реабилитация **наркозависимых** – это тоже духовное возрождение человека, но человека, страдающего от пагубной страсти наркомании, которая, как написано в Основах социальной концепции РПЦ, «делает поработанного ею человека крайне уязвимым для действия темных сил». Вера во Христа, вера в то, что Господь поможет раз и навсегда справиться со страшной и «неизлечимой», какой ее представля-

ют врачи, болезнью, действительно творит чудеса. Наступает полное **исцеление** человека. Человек становится целостным, целомудренным. Но это происходит не сразу. Нужно усердно молиться («*И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; если он сделал грехи, простятся ему*» (Иак. 5; 15)) и много трудиться, «*ибо трудящийся достоин пропитания*» (Мф. 10; 10), кроме того, труд ограждает от дурных помыслов. Наши реабилитанты живут почти по монастырскому уставу. Ранний подъем, совершение утреннего молитвенного правила, работа по хозяйству (в общинах есть крупный домашний скот, кролики, птица, огороды, в селе Локти, где расположена центральная община, ребята помогают возводить храм во имя Пророка Илии), перед отходом ко сну – вечернее молитвенное правило, по субботам и воскресеньям – молитва в храме. Обязательны регулярные исповедь и причастие Святых Христовых Таин.

Но помимо этого в реабилитационный процесс мы включили еще одну, очень важную на наш взгляд, составляющую – **физическую культуру и спорт**. Это позволяет решить проблему досуга. Кто послабее – занимаются в спортивном зале на тренажерах, играют «для себя» в футбол, волейбол, баскетбол. Многие готовятся стать спортсменами. Кто посильней – участвует в спортивных состязаниях. Сегодня в нашем реабилитационном центре организованы волейбольная и футбольная команды, а также команда по пауэрлифтингу – жиму штанги. Реабилитанты активно выступают в районных, городских, областных соревнованиях. По пауэрлифтингу несколько реабилитантов уже имеют спортивные разряды!

Вера формирует в человеке устойчивый духовный стержень, труд укрепляет тело (лат. – *labor corporis firmat*), физкультура и спорт улучшают психо-эмоциональное состояние, учат не сходить с пути и достигать в жизни поставленных перед собой целей, делают человека не самоуверенным, но уверенным в себе, уве-

ренным в своих силах. У нас многие ребята успешно прошли курс реабилитации, устроились на работу, создали семьи, начали воцерковляться, однако социальная реабилитация после нескольких лет героиновой зависимости и колоний – вещь длительная, здесь нужны терпение, выдержка, решительность. А ведь именно эти качества и помогают воспитывать физическая культура и спорт.

Прошедшему через наш Центр человеку важно сохранить все, чему он научился в процессе реабилитации. Очень важно, с кем он будет общаться, вернувшись в социум, в какой коллектив попадает он при дальнейшем трудоустройстве, и в этом мы стараемся ему помочь. Это подразумевает **постреабилитационное сопровождение**.

Однако в помощи нуждается не только сам наркоман, но и его **семья**. Пока наркоман находится у нас в центре, мы **проводим работу с его родителями и родственниками**, поскольку они оказываются **созависимыми**, находясь «в одной упряжке» со своим отпрыском или мужем. Приставка «со» в слове «созависимость» означает «зависимость вместе с кем-то». Когда близкий вам человек зависим от алкоголя, наркотиков, азартных игр и тому подобных средств, изменяющих сознание, вы начинаете испытывать зависимость от него самого, становитесь созависимым человеком. Исследования говорят о том, что у созависимых людей развиваются специфические болезненные состояния на всех уровнях личности – физическом, психическом и духовном.

Тема «созависимости» крайне важна и крайне сложна. Членам семей алкоголиков, наркоманов, игроманов и других «манов» крайне сложно. С одной стороны, они жертвы, и их страдания намного превышают страдания человека с отклоняющимся поведением. С другой стороны, они сами являются участниками и создателями (по крайней мере, поддержателями, или «не мешателями») процесса падения другого человека. Мелоди Пити, известный специалист по работе с созависимостью, таким образом определяет это нарушение: «Созависимый –

это человек, который позволил, чтобы поведение другого человека повлияло на него, и полностью поглощен тем, что контролирует действия этого человека (другой человек может быть ребенком, мужем, женой, родителем, другом, клиентом, бабушкой, дедушкой)».

Созависимым свойственно чрезмерно заботиться, лечить, спасать, контролировать проблемного домочадца, однако их усилия почти никогда не приводят к успеху. Наоборот, несмотря на предпринимаемые попытки исправить зависимого человека, он не только не исправляется, но его состояние год от года все более и более отягощается. При этом ухудшается и самочувствие членов его семьи.

На каком-то этапе развития межличностных отношений страдающий созависимостью человек перестает видеть различие между своей личностью и личностью человека, который болен зависимостью: он чувствует так же, как и больной, он думает, как и больной, полностью принимая логику порой уже психически неполноценного человека и пр.

Созависимые люди, конечно, стараются «жить правильно». Они прилагают все усилия, чтобы внешне проявлять себя как хорошая жена (или мать, дочь). Они добросовестно работают, несут непосильное бремя хозяйственно-бытовых и иных семейных забот. Но при этом они глубоко страдают, чувствуют себя в безвыходном положении, одинокими и непонятыми, мучаются от внутреннего смятения, депрессии. И самое тяжелое – не знают, что с этим делать. Знакомы вам подобные состояния?

Мы стараемся помочь научиться жить так, чтобы не усугублять болезнь под названием «патологическая зависимость», не убивать в семье любовь, не плодить ссоры, ненависть и обиды.

Еще один момент. На наш взгляд, Церковь не должна брать на себя функции государственных структур или подменять их. Борьба с наркоугрозой – прямая задача государства, и для этого у него есть все возможности и финансовые средства. Полагаю, что мы должны идти по пути **координации** усилий Церкви и государства, по-

тому что в церковной сфере работы с наркозависимыми нет того, что есть в государственной сфере. В государственной сфере акцент делается на медицинский фактор – это то, чем реально располагает государство: врачами, квалифицированным персоналом. А Церковь занимается не медицинским излечением, а духовной реабилитацией, восстановлением системы ценностей в сознании вчерашнего наркомана. Ввести человека с разрушенной психикой, полностью дезориентированного нравственно, духовно и мировоззренчески, в систему духовных ценностей – именно этим занимается Церковь. Тяжелая работа, но у Церкви есть свои особые средства, которые она употребляет.

В 2004 году между Новосибирской епархией и ФСКН (Управлением Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков) по Новосибирской области было подписано соглашение о сотрудничестве, что позволило разрабатывать и осуществлять **совместные программы работы по профилактике наркомании** и преодолению проблем, связанных с наркотиками.

В заключение хочу сказать о двух общественных социально ориентированных организациях, которые также занимаются в Новосибирске реабилитацией наркоманов, алкоголиков. Это организации «Покров» и «Линия жизни». Почему я говорю о них? Дело в том, что не все люди, страдающие различного рода зависимостями, хотели бы пройти реабилитацию в православном реабилитационном центре. Они этого могут не хотеть по разным причинам. Кто-то заявляет о себе как об атеисте, кто-то верит в Бога, но не считает себя готовым к воцерковлению, а кто-то, возможно, исповедует ислам и так далее. Вот таких людей мы направляем в «Линию жизни» или «Покров». И хотя эти две организации духовно окормляются Новосибирской епархией (их организаторы и насельники вышли из «Преображения России») сразу после того, как ее руководство запретило своим членам любое об-

щение с Русской Православной Церковью), тем не менее, заставляя их ходить в церковь здесь никто не будет. В то же время длительное проживание этих людей с православными христианами (все руководители и многие насельники «Линии жизни» и «Покрова» регулярно исповедуются и причащаются, а в общинах регулярно проводятся духовные беседы священством епархии и членами Александровского братства) наверняка не будет для них напрасным. Кто-то, возможно, изменит свои взгляды, встанет на путь воцерковления, на путь соединения со Христом.

Хотя по поводу этих проблем везде, в том числе и в церковных приходах, говорить стали все чаще и чаще, однако, чтобы изменить ситуацию, необходимы координированные усилия всей Церкви. Явления такого масштаба можно надеяться преодолеть лишь столь же масштабными мерами. Речь идет не о некоем гигантском проекте размаха коммунистических «строек века», а о необходимости действенного, «штучного» подхода к душепопечению и реабилитации людей, зависимых от алкоголя и наркотиков. А еще нужен опыт и честная, не для галочки, работа.

И последнее. Необходимо помнить об огромной ответственности, лежащей на тех, кто занимается реабилитацией наркозависимых. Можно неискренностью и непрофессионализмом нанести непоправимый вред телесному и душевному здоровью не только страждущего, пришедшего за помощью, но и его близким, большому количеству людей. Нельзя просто формально назначить «ответственного за реабилитацию» в епархии. Нужны люди самоотверженные, неравнодушные, «зажженные». Следовательно, **нужны кадры!** Но на их подготовку уходит время и немалые силы. Поэтому такие форумы, как сегодня, важны и полезны, они укрепляют нас в единстве и повышают наш общий уровень знаний.

Мы понимаем, что справиться со злом возможно только общими усилиями. И рады, что нас поддерживают и власть, и силовики, и врачи, и самая широкая общественность.

МИССИОНЕРСКИЙ АВТОПОЕЗД «ЗА ДУХОВНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ»

Опыт работы духовно-просветительской благотворительной акции «Поезд «За духовное возрождение России»», Корабля-Церкви показывает, что в отдаленных, труднодоступных населенных пунктах люди испытывают потребность в слове пастыря, в проявлении внимания к ним и их нуждам, не все имеют возможность доехать до храма, удовлетворить свои духовные нужды. Учитывая это, и был организован автопоезд как еще одна форма миссионерских выездов к населению. Миссионеры на автобусах добираются туда, куда не могут доехать ни поезд, ни корабль. Проведенная по благословению и при архипастырском руководстве и участии Его Высокопреосвященства Высокопреосвященнейшего Тихона с 18 по 27 октября миссионерская поездка автопоезда за «Духовное возрождение России» стала третьей в нашей епархии и посвящалась Дню народного единства России.

Молебен перед отправлением автопоезда прошел в Вознесенском кафедральном соборе

Деятельность автопоезда была организована совместно с Правительством Новосибирской области, Министерством здравоохранения Новосибирской области, Министерством социального развития, Министерством культуры и Министерством образования.

Миссионеры проехали на автобусах 5021 километров, охватив 8 районов области – Новосибирский, Кочковский, Доволенский, Здвинский, Северный, Венгеровский, Кыштовский, Тогучинский. Всего священнослужители посетили 38 населенных пунктов. Автопоезд состоял из 11 автобусов, на которых отправились в глубинку 303 участника миссии: священнослужители с помощниками, врачи, представители от Правительства области, Министерства социального развития, Министерства образования, участники творческих коллективов, представители средств массовой информации.

Миссионерами проведена на местах огромная работа: крещены за десять дней

961 человек, исповедано 39 человек, причастилось 27 человек, освящено 36 объектов (среди них жилые дома, дом милосердия, детский сад, дома культуры, школы, фельдшерско-акушерский пункт, автомобили), служились панихиды, молебны, совершались соборования.

Новокрещенным православным христианам вручались подарки, включающие духовные книги, епархиальные газеты, брошюры. Благотворительно роздано духовной литературы на сумму 100 тысяч рублей. Для местных библиотек в школах и домах культуры сформированы и подарены библиотечки. Миссионеры посетили и провели духовные беседы в школах, домах престарелых, учреждениях культуры, библиотеках, поселковых администрациях.

Коллективом врачей-специалистов министерства здравоохранения области осуществлялся прием на базе районных больниц, ими были приняты 645 паци-

Встреча миссионеров в поселке Криводановка

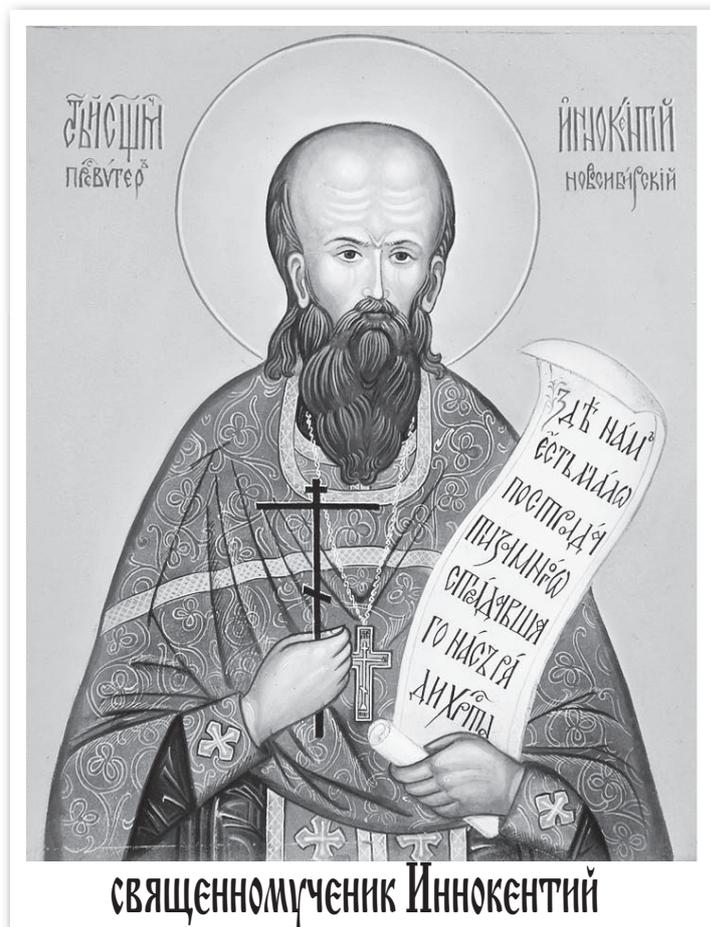
ентов. Благотворительно передано 38 наборов медикаментов в качестве гуманитарной помощи сельским фельдшерско-акушерским пунктам и врачебным амбулаториям. Ветеранам и малообеспеченным категориям граждан органы социальной защиты оказывали консультативную и гуманитарную помощь одеждой, обувью, продуктами.

Большой интерес вызвали научно-практические образовательные конференции на тему «Духовно-нравственное развитие человека в современном мире» и круглые столы на тему «Проблемы и пер-

спективы реализации курса «Основы религиозных культур и светской этики», проведенные представителями Новосибирской епархии Русской Православной Церкви совместно со специалистами Министерства образования НСО.

Неизменно в сельских районах собирают массовую аудиторию концерты творческих коллективов. Каждый день в районных центрах и селах давались спектакли, концерты популярных новосибирских коллективов, проводились творческие встречи с писателями, поэтами, выставки.

КРЕСТНЫЙ ХОД ПАМЯТИ НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ РОССИЙСКИХ

По благословению Высокопреосвященнейшего Тихона, Архиепископа Новосибирского и Бердского, Новосибирской Епархией Русской Православной Церкви совместно с администрацией города Искитима и Искитимского района Новосибирской области, при непосредственном участии главы города Виктора Генриховича Пфейфера и главы района Олега Владимировича Лагоды, 23 октября 2011 года в Искитиме состоялась Крестный ход и просветительская конференция в рамках торжеств, посвященных Дню памяти Новомучеников и исповедников Российских в Новосибирской Епархии.

Архипастырское слово Архиепископа Новосибирского и Бердского Тихона на конференции

Управляющий Новосибирской Епархией, руководители Новосибирской области и Искитимского района на Святом источнике

По окончании Божественной Литургии в храме в честь иконы Пресвятой Богородицы «Живородный Источник» города Искитима, Крестный ход прошел до Святого источника в Ложке.

В Крестном ходе приняли участие не только жители Искитима и Искитимского района, но и многочисленные паломники прибывшие в Искитим на автомашинах и автобусах, организованных Епархиальным Миссионерским отделом.

У Святого источника был отслужен молебен Новомученикам и Исповедникам Российским – священномученикам Николаю и Иннокентию, пресвитерам Новосибирским.

По окончании молебна ко всем присутствующим с приветственным словом обратился Владыка Тихон и глава района О.В. Лагода.

В числе почетных гостей были председатель Законодательного собрания Новосибирской области И.Г. Мороз,

*Глава администрации города Искитима
В.Г. Шфейфер
приветствует участников конференции*

глава администрации Искитима В.Г. Пфейфер, Генеральный консул ФРГ в Новосибирске Найтхарт Хёфер-Виссинг, региональный врач Германского Посольства в Москве г-н Фолькер Шмидт, председатель Комитета Правительства области В.Д. Лымарь, председатели Советов депутатов района и города А.Н. Рукас и А.А. Федотов.

По окончании Крестного хода, в Доме культуры «Молодость» города Искитима прошла Первая просветительская конференция «Российские Новомученики и Исповедники XX века», посвященная дню памяти Новомучеников и Исповедников Российских в Новосибирской Епархии.

Конференция была организована и проведена Новосибирской Епархией совместно с управлением образования администрации Искитима, при непосредственном участии начальника управления О.А. Прасоловой.

Епархиальный Отдел по взаимоотношениям Церкви и общества

ОБЪЯВЛЕНИЯ

СОБОР ВО ИМЯ СВЯТОГО БЛАГОВЕРНОГО
ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

НОЯБРЬ 2011

Расписание Богослужений
и церковных таинств

Церковные Богослужения совершаются ежедневно. Божественная литургия – в 9-00, вечернее богослужение – в 17-00. Начало исповеди в 8-00.

ТАИНСТВО КРЕЩЕНИЯ

в соборе во имя святого благоверного великого князя Александра Невского совершается бесплатно, после предварительных огласительных бесед с желающими креститься или крестить своих детей и крестными родителями.

Первая беседа проводится в воскресенье в 15-00.

День крещения назначается во время беседы.

ТАИНСТВО ВЕНЧАНИЯ

не совершается:
в течение Рождественского поста – с 28 ноября по 6 января.

Молебны и акафисты,
совершаемые в течение седмицы

Понедельник

16.00 – акафист Иверской иконе
Божией Матери

Вторник

16.00 – акафист святому благоверному
князю Александру Невскому

Среда

16.00 – акафист Киево-Печерским святым

Четверг

16.00 – акафист перед иконой
Вифлеемских младенцев
(для совершивших грех аборт)

Пятница

16.00 – акафист Симеону Верхотурскому

ИНФОРМАЦИОННО- КОНСУЛЬТАЦИОННЫЙ ЦЕНТР ПО ВОПРОСАМ СЕКТАНТСТВА

при соборе во имя св.

Александра Невского

(член-корреспондент *FECRIS* –
официального консультанта Совета
Европы по вопросам деструктивных
культур и организаций)

ЧАСЫ ПРИЕМА

Четверг с 11.00 – 17.00

Пятница с 11.00 – 18.00

Воскресенье с 12.00 – 17.00

Прием пострадавших от нетрадиционной
медицины, в том числе от колдунов,
экстрасенсов, знахарей и пр.

вторник с 11.00 – 15.00

тел. 223-83-49

<http://ansobor.ru/>

e-mail: novnevsky@yandex.ru

ВОСКРЕСНАЯ ЦЕРКОВНО- ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

при соборе во имя святого
благоверного князя
Александра Невского
проводит:

ЗАНЯТИЯ СО ВЗРОСЛЫМИ
изучение Священной истории Нового
Завета, разбор воскресных Евангельских
чтений, знакомство с современной
церковной жизнью, просмотр
православных видеофильмов.

**ЗАНЯТИЯ С ДЕТЬМИ ОТ 3,5 ДО 8 ЛЕТ
(МЛАДШАЯ ДЕТСКАЯ ГРУППА)**
преподавание детям основ Священной
истории и начальных понятий
христианской нравственности
посредством рисования, рукоделия
и игры, пения.

**ЗАНЯТИЯ С ДЕТЬМИ ОТ 8 ДО 14 ЛЕТ
(СТАРШАЯ ДЕТСКАЯ ГРУППА)**
изучение Священной истории и географии
Ветхого и Нового Завета, разбор
воскресных Евангельских чтений,
знакомство с основными понятиями
христианской нравственности, житиями
святых, историей чтимых икон и
иконописью, церковно-славянским
языком, важнейшими событиями
церковной истории, рисование,
рукоделие, церковное пение.

**ЗАНЯТИЯ ПРАВОСЛАВНОГО
МОЛОДЕЖНОГО ХОРА**
изучение и исполнение песнопений
Божественной литургии, духовных
песнопений; участие хора в богослужении;
выступления на праздничных концертах
(в хор принимаются желающие
в возрасте от 14 до 22 лет).

Занятия проводятся по воскресеньям с
12.00 в соборе

Телефон для справок
223-54-40

При Новосибирской епархии по благосло-
влению Высокопреосвященнейшего Тихона,
архиепископа Новосибирского и Бердского
при поддержке администрации города и
области работает

Епархиальный Реабилитационный
Центр во имя преподобного
Герасима Баровского
для нарко- и алкоголезависимых лиц

По субботам в 15.00 –
молебен о исцелении страдающих
наркотической и алкогольной
зависимостью и для их родителей.
После молебна – беседа.

Для решения организационных
вопросов будет принята любая
Ваша помощь.

С вопросами и предложениями можно
обращаться по телефону
287-00-03

e-mail: antidrug@inbox.ru

Сайт ЕРЦ: <http://stop-narkotikam.net/>

Братья и сестры! Большая просьба,
не использовать газету в хозяйственных нуждах!

Газету «Православный Миссионер»
можно прочитать на сайте собора:
<http://ansobor.ru/>

ПРАВОСЛАВНЫЙ ЦЕНТР ЗАЩИТЫ ЖИЗНИ ДЕТЕЙ

при соборе во имя святого
благоверного великого князя
Александра Невского

принимает любые виды пожертво-
ваний для оказания материальной
поддержки беременным женщинам,
оказавшимся в трудной ситуации,
и малообеспеченным семьям, имею-
щим детей дошкольного возраста.
А также нуждается в профессио-
нальной помощи психологов с выс-
шим образованием.

Обращаться по адресу:

ул. Сибревкома, 8, тел. 264-46-15

ОТКРЫТ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД ПО СПАСЕНИЮ ДЕТЕЙ ОТ АБОРТОВ

По благословению Высокопреосвя-
щеннейшего Тихона, архиепископа
Новосибирского и Бердского, при
соборе во имя святого благоверного
князя Александра Невского на базе
существующего Центра по защите
жизни нерожденных детей создан
городской благотворительный фонд.
Цель фонда – адресная помощь жен-
щинам, отказавшимся от совершения
абортов. Фонд обращается ко всем,
кому небезразлична судьба детей,
приговоренных к смерти собствен-
ными родителями, внести посильную
лепту для их спасения.

Реквизиты фонда:

«Фонд в защиту жизни
нерожденных детей»
р/сч 40703810400000000313 в ОАО
«НОМОС-Банк-Сибирь»,
к/сч 30101810600000000897 в РКЦ
ГУ Банка России по НСО
БИК 045004897
ИНН 5406340776

Главный редактор: настоятель собора во имя
святого князя Александра Невского протоиерей
Александр Новопашин

Выпускающий редактор: Евгения Сидорова
Корректор: Ирина Рагозина

Дизайн и верстка: Сергей Данилов

Свидетельство о регистрации средства массо-
вой информации в Управлении Федеральной
службы по надзору за соблюдением законода-
тельства в сфере массовых коммуникаций и
охране культурного наследия по Сибирскому
федеральному округу ПИ ФС 12-0358 от 02
июня 2005 г.

Тираж 3000 экз.

Отпечатано в типографии «ПолиграфИздат»,
ул. Станиславского, 27.
Заказ № 1260

РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ БЕСПЛАТНО!